

A scenic view of a city, likely Seoul, featuring a tall, slender tower (N Seoul Tower) in the background. The foreground is dominated by vibrant pink cherry blossoms, with petals falling through the air. In the lower foreground, a couple is walking away from the viewer on a path. The sky is a soft, hazy blue, and the overall atmosphere is romantic and serene.

Кукуша

**Неточные —
но живые**

Кукуша Кукуша

Неточные — но живые

<https://litres.ru/74132479>

SelfPub; 2026

Аннотация

Любовь — это погрешность в третьем знаке. Без неё уравнения верны, но мертвы. С ней они неточны — но живы.

Ли Цзин, студентка-физик, верит в порядок и точность. Её мир — это формулы, предсказуемость.. Чэнь Юй, гениальный затворник. Их встреча неизбежна: грохот упавших тетрадей, чужие руки, поймавшие её за запястье, — и мир даёт первую трещину.

Вместе они работают над проектом космического лифта, где каждая погрешность в расчётах может стоить жизни. Но куда страшнее та погрешность, что поселяется в сердце и не поддаётся формулам. Ночные телескопы на крыше, тысяча новогодних фонариков, музыка в переполненном метро, кольцо из углеродного волокна на мизинце левши — их история складывается из неловких жестов и незаконченных фраз. Семь тысяч километров разлуки, три пропущенных звонка, одно письмо, которое не стёрли. Расстояние оказывается проверкой на прочность главной формулы: любовь — это не ошибка, а та самая допустимая погрешность, без которой жизнь становится идеальной — и мёртвой.

Кукуша

Неточные — но живые

Любовь — это погрешность в третьем знаке. Без неё уравнения верны, но мертвы. С ней они неточны — но живы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НАЧАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ

Глава 1. Теорема, которую нельзя доказать

Первый учебный день сентября в Пекине пахнет типографской краской, хлоркой из технического корпуса и переспелыми грушами — кто-то оставил пакет на подоконнике в коридоре. Ли Цзин терпеть не могла опоздания. В её мире всё должно было раскладываться по полочкам аккуратнее, чем инструменты в боксе дрон-терминатора: утро — три глотка рисовой каши, семь утра — выход из дома, ровно час двадцать на дорогу с двумя пересадками по двадцать второй линии метро.

Но сегодня пластиковая карточка с номером группы выскользнула из кармана и закатилась под кровать. Будто кто-то невидимый — возможно, мелкий дух из бабушкиных сказок, которого Ли Цзин никогда не принимала всерьёз, — нарочно спрятал её в самый угол, где собирается пыль и старые сожаления.

Она влетела в аудиторию прикладной механики на третьем этаже северного крыла, когда стрелка часов уже перескочила за десять утра на целых четыре минуты и тридцать

семь секунд. Её кроссовки противно скрипнули по свежевымытому линолеуму, и сорок пар глаз поднялись от конспектов, чтобы уставиться на опоздавшую.

— Извините, — выдохнула она, хотя рот уже пересох от быстрого бега по лестнице.

Профессор Се даже не обернулся. Он стоял у огромной, во всю стену, интерактивной доски, где мерцали бледно-голубые линии расчётов. Окна были распахнуты настежь, и ветер играл с его седыми волосами, как будто сама природа пыталась сбить с мысли этого человека, который уже тридцать лет посвятил одной-единственной мечте — космическому лифту.

— Садитесь, — сухо бросил он, продолжая выводить формулу. — В инженерной физике, мисс... — он на секунду замолчал, давая понять, что не запомнил её фамилию, — опоздание — это погрешность, которую вы закладываете в систему с самого начала. Чем она больше, тем выше вероятность катастрофы.

В аудитории кто-то хихикнул. Ли Цзин почувствовала, как кровь прилила к щекам — горячо, как после чашки малинового чая зимой. Она быстро огляделась, выбирая место, и её взгляд зацепился за пустой стул у прохода на четвёртом ряду. Один свободный. Будто специально для неё.

Она сделала шаг — и в ту же секунду её левая нога зацепилась за лямку чёрного рюкзака, небрежно брошенного прямо в проходе.

Мир кувыркнулся. Тетради, папка с распечатками, телефон — всё, что она держала в руках, разлетелось веером по полу, похожим на стаю испуганных бумажных птиц. Она успела выбросить вперёд руки, но падение было неизбежным, уже почти реальным — где-то на границе между физикой и судьбой.

А потом кто-то поймал её за запястье.

Пальцы — тёплые, сухие, с удивительно точным усилием — сомкнулись вокруг её тонкой косточки чуть выше часов. Движение было настолько быстрым и одновременно экономным, что казалось, будто этот человек заранее просчитал траекторию её падения, решил уравнение с несколькими переменными и выдал единственно верный ответ.

Ли Цзин замерла на полусогнутых ногах, балансируя на границе гравитации. Её лицо оказалось в каких-то пятнадцати сантиметрах от его коленей. Она подняла голову.

И всё внутри неё — каждая молекула, каждый сустав, каждая заученная формула — вдруг перестало подчиняться законам Ньютона.

Он сидел на стуле у прохода. Чёрная футболка с выцветшим логотипом SpaceX, тёмные джинсы, наушник в левом ухе — хотя лекция уже началась. Его лицо было тем особенным типом красоты, который не замечаешь сразу, потому что он не кричит о себе. Никаких резких скул, никаких вызывающих линий. Просто спокойные, почти мягкие черты, тёмные волосы, падающие на лоб, и глаза — тёплого ка-

рего оттенка, в котором смешались корица и осенний мёд. Красивое лицо. Негромкое. То, которое замечаешь, только если смотреть в упор.

А она сейчас смотрела именно в упор.

— Осторожнее, — сказал он тихо, почти неслышно, так что единственным доказательством того, что он вообще раскрыл рот, было лёгкое движение губ. — У этой аудитории плохая геометрия.

Он отпустил её запястье — медленно, как будто проверяя, твёрдо ли она стоит на ногах. И в этом движении не было ни грамма намерения задержаться дольше нужного, ни тени флирта или неловкой попытки продлить касание. Просто — поймал, убедился, что не упадёт, отпустил. Всё.

Но Ли Цзин почему-то почувствовала, как место под его пальцами продолжает гореть. Ожог первого контакта.

— Спасибо, — выдохнула она, собирая с пола тетради и чувствуя, как кончики ушей становятся пунцовыми. — Простите за...

Она замолчала. Потому что он уже отвернулся к доске, и в его профиле не было ни малейшего интереса к её благодарности. Поправил наушник, перелистнул страницу конспекта — и всё.

Ли Цзин села через ряд от него, на то самое место, которое сначала показалось ей свободным. Выбрала позицию, откуда видна была доска — и, если чуть повернуть голову, его плечо. Сердце колотилось где-то в горле, и она злилась

на себя за эту глупую, совершенно не инженерную реакцию. Она пришла сюда за знаниями, за космическим лифтом, за формулами, которые могли бы изменить мир. А не за тем, чтобы трястись из-за какого-то парня с наушником в ухе.

— Итак, — голос профессора Се разнёсся по аудитории, и воздух наполнился той особенной тишиной, какая бывает только в университетских залах, когда старый мастер начинает говорить о деле всей своей жизни. — Космический лифт. Теоретическая конструкция, способная доставлять грузы на орбиту без ракет. Первая идея — Циолковский, тысяча восемьсот девяносто пятый год. Серьёзные разработки — конец двадцатого века. Проблема — материал, способный выдержать собственный вес при длине в девяносто шесть тысяч километров.

Он повернулся к доске и начал выводить формулу. Мелок — хотя доска была интерактивной, профессор Се принципиально пользовался старыми белыми мелками, которые крошились и оставляли на пальцах известковую пыль — заскользил по поверхности, рождая строку за строкой.

Ли Цзин автоматически открыла тетрадь. Она любила этот момент — когда мир сужался до листа бумаги и танцующих на нём символов. Функции, интегралы, пределы. Красивая математика, в которой не было места неловкости, покрасневшимся щекам и странному теплу в запястье.

Она копировала уравнение, не глядя, — пальцы сами выводили греческие буквы, индексы, степени. На полях по-

явился первый вариант, потом второй, третий. Красивое, элегантно уравнение, описывающее распределение напряжения в тросе космического лифта под действием гравитации и центробежной силы.

А потом профессор Се остановился, стёр мелкой пылью маленький участок в середине строки и сказал:

— А теперь посмотрите внимательно на третий знак после запятой, вот здесь.

Ли Цзин перевела взгляд. Там, где должно было стоять строгое, неумолимое число, маячила едва заметная, но неумолимая неточность. Погрешность. Маленькая, почти ничтожная — тысячные доли процента, — но в уравнении такой сложности она была подобна микротрещине в фундаменте небоскрёба.

— Эту погрешность нельзя устранить, — профессор Се обвёл её мелом кружком, который на интерактивной доске выглядел как сияющее кольцо вокруг мухи. — Она заложена в самой природе наших измерений, в несовершенстве датчиков, в квантовых флуктуациях, в конце концов. Вопрос не в том, как от неё избавиться. Вопрос в том, с какой из них вы готовы жить.

Он помолчал, давая словам осесть в сознании студентов.

— В любом расчёте есть допустимая погрешность. В космическом лифте — одна десятиллиардная. В строительстве моста — три сотых процента. А в ваших личных жизнях... — он усмехнулся, и в этой усмешке была горечь че-

ловека, который слишком долго смотрел на звёзды, — в ваших личных жизнях погрешность может быть любой. Но помните: если вы решите жить с ней, она станет частью вашего уравнения навсегда.

Аудитория зашуршала. Кто-то заспорил на заднем ряду, кто-то начал переписывать формулу заново, пытаясь найти способ скомпенсировать погрешность. Ли Цзин замерла с ручкой в руке, глядя на маленькую неточность в третьем знаке.

Она была красивой, эта погрешность. Почти живой. Как будто уравнение само признавалось в своём несовершенстве, в своей неспособности описать мир идеально.

Не думая, она поставила ручку на бумагу и вместо третьего знака — сухого, механического числа — нарисовала маленькую звезду. Пятиконечную, неровную, детскую почти. Звезду, которая смотрела с листа так же нелепо и трогательно, как она сама, наверное, сейчас выглядела со стороны.

— Классная звезда.

Голос раздался слишком близко. Ли Цзин вздрогнула и резко обернулась.

Парень с наушником стоял прямо за её плечом, чуть наклонив голову, и смотрел на её тетрадь с выражением — нет, не насмешки. Скорее тихого, почти грустного узнавания, как будто он сам тысячу раз рисовал такие же звёзды вместо цифр.

Он выглядел иначе, чем за минуту до этого. Или просто

она не успела рассмотреть его как следует? Тени под глазами — как будто он не спал несколько ночей. Лёгкая небритость, которая на других выглядела бы небрежно, на нём — устало. И этот негромкий голос, который, казалось, создан для того, чтобы шептать формулы на ухо.

— Простите? — переспросила Ли Цзин, хотя отлично всё слышала.

— Звезда, — повторил он, кивнув на тетрадь. — В третьем знаке. Красивое решение.

Она не знала, шутит он или нет. Его лицо оставалось невозмутимым, как у человека, который привык, что его слова понимают с полуслова.

— Это не решение, — сказала она, чувствуя, как глупо это звучит. — Это... просто.

Он ждал, чуть наклонив голову. И в этом ожидании было что-то бесконечно терпеливое, как будто у него в запасе была целая вечность.

— Это напоминание, — договорила она, наконец. — Что даже в самой точной науке есть место... ну, не точности.

Он посмотрел на неё. В упор, как смотрят на формулу, которую никак не могут решить. Смесь любопытства, сомнения и — ей показалось, да? — нежности.

— Чэнь Юй, — сказал он вдруг. — Второй курс, прикладная механика, группа 204.

— Ли Цзин, — ответила она, и её голос прозвучал хрипло, как после долгого молчания. — Тоже второй курс. Групп-

па... — она заглянула в карточку, которая чудом не выпала из кармана во время падения, — 203.

— Соседняя, — кивнул Чэнь Юй. — Значит, будем видеться.

Он развернулся и пошёл на своё место, не оглядываясь. Его походка была спокойной, почти ленивой, но в ней чувствовалась скрытая энергия — как в свернутой пружине, которая вот-вот распрямится.

Ли Цзин смотрела ему вслед, пока он не сел на своё место через ряд от неё. Он сразу же уткнулся в телефон, наушник снова оказался в ухе. Отгородился от мира тонкой пластиковой стеной.

А она всё смотрела. На его плечи, на то, как свет из окна падает на его тёмные волосы, на едва заметное движение пальцев, когда он листал что-то на экране.

— Второй курс, — прошептала она себе под нос. — Группа 204. Чэнь Юй.

Имя было простым. Обычным. Таким, какие носят миллионы молодых людей по всему Китаю.

Но когда она произнесла его вслух — прошептала, скорее, чтобы просто услышать, — оно зазвучало иначе. Как нота, взятая в пустом зале. Как строка, которая вдруг обрела ритм.

Лекция закончилась через полтора часа. Профессор Се стёр доску, оставив на ней лишь одно слово: «Погрешность». Как заклинание. Как вопрос, на который у каждого будет свой ответ.

Студенты зашумели, засобирались, зашуршали куртками и рюкзаками. Ли Цзин медленно сложила тетради, стараясь не смотреть на звезду в третьем знаке, но каждый раз, когда взгляд случайно падал на неё, внутри разливалось что-то тёплое и тревожное одновременно.

Она вышла в коридор последней — намеренно, чтобы не искать его глазами, чтобы не казаться себе жалкой. Но когда она повернула к лестнице, то заметила его в конце длинной галереи с застеклёнными окнами. Чэнь Юй стоял у стены, прислонившись плечом к холодному стеклу, и смотрел на неё. Не прячась. Не отводя взгляда.

Просто смотрел — так, как будто хотел запомнить её лицо.

Она замерла. Метр, отделявший их друг от друга, вдруг показался бесконечным. Коридор заполнился вечерним светом — золотистым, почти жидким, похожим на мёд. Где-то открылось окно, и ветер принёс запах сухих листьев и далёкого жасмина.

— Ты забыла, — сказал он, когда она приблизилась.

Она вопросительно подняла бровь.

— Свою звезду, — Чэнь Юй кивнул на её тетрадь. — Точнее, не забыла, а... — он замолчал, подбирая слова, но так и не подобрал. Вместо этого он протянул руку и легонько провёл пальцем по обложке, где Ли Цзин машинально, не глядя, карандашом набросала маленький контур звезды. — Я тоже часто рисую звёзды, когда не знаю, как решить задачу.

— Ты... — начала она, но он уже развернулся и пошёл к лестнице, не сказав больше ни слова.

Всё произошло так быстро, что она не успела ни испугаться, ни обрадоваться, ни спросить, зачем он вообще подошёл. Только сердце — глупое, непослушное сердце — пропустило удар.

Она смотрела, как он спускается по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, как его тень мелькает между пролётами. И только когда он скрылся за поворотом, Ли Цзин позволила себе выдохнуть.

— Какая глупость, — сказала она пустому коридору. — Какая невозможная, нелепая глупость.

Но губы уже не слушались её. Они растянулись в улыбке — робкой, удивлённой, похожей на первые цветы сакуры в марте, когда ещё холодно, но уже понятно, что весна пришла навсегда.

Она закрыла тетрадь. Звезда в третьем знаке осталась на месте, как обещание, которое она не давала, но уже не могла забрать обратно.

В метро, когда поезд трясло на стыках рельсов, Ли Цзин сидела и смотрела на своё отражение в тёмном стекле напротив. Такая же, как всегда: собранные в хвост волосы, очки в тонкой оправе, скромная футболка. Ничего особенного. Ничего, что заставило бы парня из соседней группы смотреть на неё так, как смотрел он.

Но он смотрел. И это было первым доказательством тео-

ремы, которую нельзя доказать, первым лучом в спектре, которого не существует в природе, первым звуком на частоте, которую не улавливает ни одно устройство.

Она ещё не знала, что этот человек станет для неё самой — погрешностью, которую невозможно вычислить.

Глава 2. Человек, который не смотрел на неё

Воздух в лаборатории органической химии пахнет ацетоном и чьей-то несбывшейся надеждой. Ли Цзин пришла на двадцать минут раньше, чтобы занять место у окна. Не потому, что там лучше видно доску. Просто оттуда открывается вид на платан, который уже начал ронять листья, и можно делать вид, что ты смотришь на него, а не на дверь.

Он вошел без звука. Как сквозняк. Сначала она почувствовала — сдвигание воздуха, едва уловимое изменение давления, — и только потом увидела. Чёрная ветровка, молния застёгнута ровно на три четверти, рюкзак через одно плечо. Чэнь Юй не сел за свою обычную парту. Он вообще никогда не садится на одно и то же место. Каждый раз — новая точка в системе координат аудитории, будто он проверяет, зависит ли от этого что-то в уравнениях квантовой запутанности.

Он сел в третьем ряду у стены. Слева от него — пустое место. Справа — пустое. Впереди — никого. Сзади — пара первокурсников, которые шепчутся о зачёте по матанализу. Ли Цзин замерла. Третья парта, второй ряд от окна. Если она повернёт голову на сорок пять градусов, то увидит его заты-

лок. Если он повернётся — увидит её. Но он не поворачивается.

Она начала замечать это ровно семнадцать дней назад. Первая неделя казалась случайностью: ну, мало ли, человек погружён в свои мысли. Вторая неделя начала раздражать. На третьей она поймала себя на том, что специально роняет ручку, когда он проходит мимо. Ручка падала с металлическим звоном. Он не оборачивался. Ни разу.

Сегодня она решила провести эксперимент. Строго говоря, эксперименты были запрещены правилами внутреннего распорядка, но её диссертация касалась хаотических систем, и Чэнь Юй вёл себя как идеальный хаос — непредсказуемый, но подчиняющийся скрытым аттракторам.

Она встала. Обогнула стол преподавателя. Прошла мимо его парты на расстоянии вытянутой руки. Тая, её однокурсница, подняла бровь:

— Ты куда?

— Воды попить, — соврала Ли Цзин, хотя бутылка стояла у неё в рюкзаке.

Она прошла туда и обратно. Тридцать два шага. Чэнь Юй читал статью на планшете. Его указательный палец скользил по экрану, поднимаясь вверх медленно, как уровень ртути в термометре. Он не поднял глаз. Даже ресницы не дрогнули. Ли Цзин села на место и почувствовала странное, иррациональное бешенство.

— Почему меня бесит, что он меня не замечает? — про-

шептала она в кружку с остывшим чаем.

Тая, которая обладала почти клинической способностью слышать то, что не предназначено для её ушей, наклонилась:

— Ты про Чэня?

— Я про погоду.

— У него девушки нет, — сообщила Тая с видом шпиона, который только что раскрыл сеть вражеских агентов. — Сяо Ли из шестьсот тринадцатой говорила, что он даже не смотрел на неё, когда она приглашала его на кофе. Представляешь? Она в короткой юбке пришла. С кружевами.

— Мне неинтересно, — сказала Ли Цзин и тут же поняла, что прозвучало это так, как будто ей очень интересно.

Лекция началась. Профессор Хуан рассказывал о синтезе ароматических соединений, его голос ровно жужжал, как старый вентилятор. Ли Цзин писала конспект автоматически, выводя иероглифы красиво, почти каллиграфически — привычка, оставшаяся от школьных занятий гунби. Она всегда успокаивалась, когда выводила линии тушью. Но сейчас линии получались нервными, с дрожью.

Она взяла телефон под партой. Открыла астрономический форум, который вела в тайне от всех, кроме горстки таких же безумцев. Новое сообщение от пользователя *Orion_127*: «Расхождение в третьем знаке после запятой. В расчётах орбиты 2024 YR4. При таком раскладе через двадцать лет — коридор вероятности 0,006 процента. А ты говорила, что вселенная предсказуема».

Она улыбнулась. Orion_127 был единственным человеком, который не пытался с ней флиртовать на форуме. Они спорили о гравитационных возмущениях и природе тёмной материи, и эти споры были чище, чем дистиллированная вода. Она набрала ответ: «Предсказуемость — это иллюзия с малым масштабом. Как у тебя с диссертацией?» — и отправила, чувствуя, как тепло разливается под рёбрами.

Потом подняла глаза.

Чэнь Юй потянулся. Медленно, как кот после долгой спячки. Его правая рука поднялась к затылку, пальцы на мгновение замерли на позвонках. Он поправил очки — не той рукой, которой обычно, а левой, большим пальцем сдвинул дужку чуть вверх. Жест был неловким, почти детским. Очки съехали снова через три секунды, но он не стал их трогать. Просто прищурился и наклонил голову на пятнадцать градусов к доске.

В этом наклоне было что-то такое, от чего у Ли Цзин пересохло в горле. Не красота. В классическом смысле Чэнь Юй не был красивым. Лицо слишком узкое, скулы слишком острые, под глазами — синева постоянного недосыпа. Но когда он так наклонял голову, казалось, что он слушает что-то, чего никто другой не слышит. Может быть, звезды. Может быть, собственные мысли. Может быть, тишину на частоте, недоступной человеческому уху.

Она отвернулась к окну. Платан ронял листья. Один жёлтый, с прожилками, ударился в стекло и медленно сполз

вниз, как слеза.

После лекции коридор превратился в муравейник. Кто-то смеялся, кто-то спорил о стипендии, чей-то телефон играл поп-песню, где слова были про любовь, а мелодия — про кредитные карты. Ли Цзин шла в библиотеку, держа перед собой стопку книг как щит. Она знала, что Чэнь Юй где-то позади. Не потому что обернулась. Просто слышала его шаги — ровный ритм, ботинки с мягкой подошвой, без стука каблуков.

На лестнице она уронила книгу. «Астрофизика для пешеходов», толстый томик с потрёпанной обложкой. Книга упала на ступеньку, раскрылась на главе о гравитационных волнах. Ли Цзин нагнулась. В ту же секунду чья-то рука — не её — подхватила книгу с другой стороны.

Пальцы. Длинные, с чёткими суставами, ногти коротко острижены, на указательном — слева от ногтя — маленькое пятнышко от синей ручки, которое не отмывается уже несколько дней. Она узнала эти пальцы раньше, чем лицо. Они семь раз брали одни и те же журналы на кафедре, трижды — одни и те же задачки. Они никогда не прикасались к ней. До этого момента.

Она подняла голову.

Чэнь Юй смотрел на книгу. На её пальцы, которые держали книгу с другой стороны. На закладку из старого билета на метро, торчащую между 118 и 119 страницами. Он не смотрел на неё. Он смотрел на книгу. Так внимательно, как будто

она могла заговорить.

— Спасибо, — сказала Ли Цзин. Голос прозвучал сипло, как после долгого молчания.

Он кивнул. Один короткий наклон головы. Отпустил книгу. И ушёл. Не спросил, как дела. Не сказал «пожалуйста». Просто пошёл дальше по коридору, чёрная ветровка мелькнула за углом, и всё.

Тая подбежала, запыхавшись:

— Он тебе помог? Он? Чэнь Юй? Он что-то сказал?

— Ничего.

— Вообще ничего?

— Абсолютно.

— Станный, — выдохнула Тая. — Он вообще человек?

Ли Цзин не ответила. Она смотрела на свою руку — на то место, где пальцы Чэнь Юя были в пяти миллиметрах от её кожи. Пять миллиметров — это расстояние, на котором гравитация уже действует, но ещё не греет. Как между двумя нейтронными звёздами перед столкновением.

Она пошла в читальный зал, хотя до закрытия оставался всего час. У неё не было никакой необходимости там быть. Дома ждали кипящий чайник и тапочки с зайцами. Но ноги сами понесли её к высоким дверям с табличкой «Тишина».

Чэнь Юй сидел в дальнем углу. Не за столом у окна, не у стены с розетками, а в самом дальнем, самом неудобном углу, где свет падал под углом, и половина стола оставалась в тени. Он читал. Ли Цзин села так, чтобы видеть его в про-

филь, но сделать вид, что она видит только книгу.

Она наблюдала. Не стыдясь этого, потому что никто не смотрел. Читальный зал — идеальное место для вуайеризма: все опускают глаза в страницы, и никто не замечает, куда смотрят другие.

Он пил кофе из автомата в пластиковом стаканчике. Всегда чёрный, без сахара. Она заметила это ещё неделю назад. Он отпивал маленькими глотками, морщился — кофе был отвратительным, это знали все, — но пил до конца. Он не делал пометок на полях. Никогда. В его книгах не было ни одной подчёркнутой строчки, ни одного восклицательного знака на полях. Чистые страницы. Как будто он боялся оставить след.

Когда он уставал — а уставал он примерно через каждые сорок минут, — он поправлял очки. Не так, как другие: не дужку, не переносицу. Он снимал их полностью, двумя руками, держал перед собой три секунды, смотрел сквозь линзы на свет, потом надевал обратно. И в эти три секунды его лицо становилось другим. Беззащитным. Близоруким. Почти испуганным.

Ли Цзин поймала себя на том, что ждёт этих трёх секунд больше, чем лекций профессора Хуана, больше, чем писем от Oгion_127. Она ждала их, затаив дыхание, как ждут грозу в душном июле.

Библиотекарь, тётя Чэнь, женщина с лицом, которое видело всё от основания университета, дважды подходила к ней:

— Девочка, у тебя книга вверх ногами.

Ли Цзин смотрела на страницу. Действительно, вверх ногами. Она перевернула книгу. Текст был про звёздную эволюцию, но буквы плыли. Она не читала. Она считала моргания Чэнь Юя. Тринадцать раз за минуту. Норма для взрослого человека, но у него было неравномерно: пять быстрых, потом пауза в семь секунд, потом снова. Как пульс. Как сигнал азбуки Морзе, который никто не расшифровал.

Она закрыла книгу и вышла. В коридоре было прохладно, пахло хлоркой и старыми обоями. Она прислонилась спиной к стене и закрыла глаза.

«Что я делаю?» — спросила она себя. Голос в голове был похож на голос её матери, всегда разумный, всегда практичный. «Ты хочешь, чтобы он заметил тебя. Зачем? Чтобы он понял, что ты существуешь? Он и так знает. Вы учитесь на одном потоке. Вы дышите одним воздухом. Он просто не хочет смотреть. Это его выбор. Уважай его».

Другой голос, тот, что просыпался только ночью, когда город за окном затихал, и звёзды становились видны даже сквозь световое загрязнение, шептал: «А вдруг он смотрит, когда ты не видишь?»

Она открыла глаза. И решила проверить.

На следующее утро она пришла на лекцию раньше всех — настолько раньше, что преподаватель, протиравший доску, удивлённо крякнул. Она села в первом ряду. Прямо перед кафедрой. Место, откуда её было невозможно не заме-

тить. Ярκο-красный свитер, который она специально достала из самого дальнего угла шкафа, волосы распущены (обычно она собирала их в высокий хвост), на столе — ничего, кроме одной ручки и телефона. Никакой стены книг. Никакого щита.

Она ждала.

Чэнь Юй вошёл за две минуты до звонка. Он был без рюкзака — только планшет под мышкой. Он сел на последнюю парту. Самую дальнюю. У самой двери. Оттуда её не было видно, если только он не поворачивал голову на девяносто градусов. А он, конечно, не поворачивал.

Ли Цзин сжала ручку так сильно, что пластик хрустнул.

«Всё, — подумала она. — Это не случайность. Это система. Он избегает меня намеренно. Как частицу, которая разрушает когерентность эксперимента».

И от этого открытия стало почему-то больно. Не так, как бывает от пореза — остро и быстро. А так, как бывает от старой травмы, которая ноет к погоде. Глухо, под рёбрами, с иррадиацией в левую ключицу.

Она не вышла на перерыв. Сидела, смотрела на платан за окном. Листья падали чаще. Скоро будет голый, как график без данных.

Тая принесла ей печенье.

— Ты какая-то... не такая.

— Я нормальная.

— Нормальные не смотрят на дерево полтора часа.

— Я думаю.

— О чём?

— О погрешности в третьем знаке, — сказала Ли Цзин. И это была чистая правда, только не в той системе координат.

Вечером у неё была запланирована стирка. Но она взяла стопку журналов по спектроскопии и пошла в читальный зал. Знала, что Чэнь Юй будет там — он был там каждый вечер, с восьми до закрытия. Как часовой механизм. Как пульсар с периодом 23 часа 56 минут.

Библиотека была почти пуста. Трое студентов готовились к экзамену по термодинамике, девушка с красными глазами дописывала курсовую по истории науки, и Чэнь Юй. В том же углу. С тем же стаканчиком чёрного кофе. С теми же тремя секундами без очков.

Ли Цзин села за соседний стол. Не рядом — между ними было три пустых стула. Дистанция социального игнорирования. Она открыла журнал. Статья называлась «Влияние гравитационных возмущений на распределение тёмной материи в локальной группе галактик». Она прочитала одно предложение четыре раза и не поняла ни слова.

В двадцать два часа библиотекарь тётя Чэнь объявила:

— Через пятнадцать минут закрытие. Прошу собираться.

Студенты зашуршали. Девушка с красными глазами заплакала. Двое из термодинамики убежали, забыв на стуле шарф. Чэнь Юй не двинулся. Он дочитывал страницу. Ли Цзин знала этот ритуал — он всегда дочитывал до конца, не

важно, что будет. Если бы здание начало рушиться, он сначала дочитал бы абзац.

Она встала первой. Вышла в коридор. Лифт был старый, ещё с кнопками, которые надо нажимать с усилием, и с дверями, которые закрывались так медленно, что за это время можно было выпить чашку чая. Она нажала кнопку первого этажа. Двери уже начали съезжаться, когда в лифт вошёл Чэнь Юй.

Он не спросил, можно ли. Просто шагнул внутрь в последнюю секунду, когда щель между дверями была шириной в ладонь. Двери закрылись.

Они были одни.

Лифт кашлянул и поехал вниз. Кабина была маленькой — максимум на четырёх человек, но при честном раскладе на троих с одним рюкзаком. Ли Цзин стояла у правой стены. Чэнь Юй — у левой. Между ними — полтора метра. Полтора метра и несколько лет молчания, которое началось задолго до того, как они встретились.

Ли Цзин смотрела на дверь. На кнопку первого этажа, которая горела оранжевым. На цифру «4» над дверью. Потом на «3». Потом на «2».

И тогда она почувствовала его взгляд.

Не услышала. Не увидела краем глаза. Кожа на шее — вот что почувствовала. Там, где воротник свитера заканчивался, и начиналась открытая кожа с редкими веснушками, которых никто никогда не видел, кроме её мамы и вчерашне-

го зеркала. Взгляд был тяжёлым. Физически осязаемым. Как если бы кто-то прикоснулся пальцем к сонной артерии.

Она повернула голову.

Чэнь Юй смотрел на неё. В упор. Впервые за сорок два дня — если считать с того утра у корпуса прикладной математики, когда она споткнулась на ровном месте, а он поймал её за локоть и сразу отпустил, как будто обжёгся. Он смотрел без улыбки, без любопытства, даже без узнавания. Он смотрел так, как смотрят на уравнение, которое давно мучает, но не могут решить. Сосредоточенно. Тяжело. До боли.

Его глаза были тёмными. Не чёрными — в них был оттенок старого дерева, обожжённого солнцем, и в самой глубине — крошечный блик лампы дневного света, похожий на далёкую звезду.

Она не отвела взгляд.

— Ты та, которая упала, — сказал он.

Голос оказался другим, чем она представляла. Не низким, не высоким. Где-то посередине. С хрипотцой человека, который мало разговаривает вслух, потому что его внутренний диалог громче любого внешнего. И в этом голосе не было вопроса. Было утверждение. Как факт. Как закон Ньютона: тело переходит из состояния покоя в движение, если к нему приложить силу.

Секунда. Две. Тишина в лифте была такой плотной, что можно было резать ножом. Она слышала его дыхание — ровное, поверхностное. И своё — частое, как у бегуна на корот-

кой дистанции.

Двери оставались закрытыми. Лифт застрял между этажами — на секунду, на две, на целую вечность. Ли Цзин вдруг поняла, что не хочет, чтобы они открывались. Никогда. Пусть этот лифт висит в шахте вечно, как спутник на геостационарной орбите, а они стоят друг напротив друга, и воздух дрожит от неизбежности.

Она ответила:

— Ты тот, кто поймал.

Он моргнул. Один раз. Очень медленно. Его ресницы опустились и поднялись, как ночные шторы в доме, где никто не спит. И в это мгновение она увидела.

Кадык дёрнулся.

Так быстро, что любой другой не заметил бы. Но она смотрела. Она смотрела на его шею, на то место, где адамово яблоко совершило короткое, судорожное движение — вверх и вниз, как поплавков на волне. Он сглотнул. Не потому что хотел пить. Потому что внутри него что-то сжалось. Какая-то пружина, которую он держал сорок два дня, наконец, дала слаbinу.

Он заметил. Он всегда замечал. Он просто не показывал.

Чэнь Юй отвернулся первым. Посмотрел на дверь, на кнопки, на потолок — куда угодно, только не на неё. Его пальцы сжали планшет так сильно, что побелели костяшки. Он стоял, глядя в угол кабины, и его профиль был похож на гравюру: чёткий, резкий, безжалостный к самому себе.

Лифт дёрнулся. Двери открылись на первом этаже.

Он вышел первым. Быстрым шагом, как будто кабина горела. Не обернулся. Даже не замедлился. Всё та же чёрная ветровка, всё тот же рюкзак через плечо, всё та же походка человека, который знает, куда идёт, и не хочет, чтобы его догоняли.

Ли Цзин осталась стоять в лифте. Двери снова начали закрываться, и она вдруг испугалась, что сейчас они закроются навсегда, и она останется здесь, в этой стеклянной коробке, с этим невысказанным, с этим сглотнутым, с этим движением кадыка, которое было громче любых слов.

Она выскочила наружу в последний момент. Удар ладонью по двери — мальчишеский, нелепый жест. Двери послушно открылись снова. Она выбежала в вестибюль. Чэнь Юя уже не было. Только поворотная дверь крутилась, затихая, и ночной воздух с запахом мокрого асфальта просачивался внутрь.

Тая ждала её на скамейке у входа, укутанная в шарф.

— Ты чего такая? — спросила Тая. — Бледная, как привидение.

— Ничего.

— Лифт застрял?

— Да. На секунду.

Ли Цзин села рядом, расстегнула пальто — вдруг стало жарко, хотя на улице было всего плюс пять. Она смотрела на луну, которая висела низко, почти касаясь крыши общежи-

тия, и думала.

Иногда самое громкое признание — это тишина в лифте, где воздуха хватает только на двоих. Не нужно слов. Не нужно жестов. Достаточно одного неловкого глотка, одной дрогнувшей мышцы на шее. Достаточно того, что он смотрел. Наконец. Впервые.

И этого оказалось достаточно, чтобы мир вокруг потерял устойчивость.

Она достала телефон. Открыла астрономический форум. Новых сообщений от *Orion_127* не было. Она написала: «Сегодня я поняла, что гравитация не требует касания. Она действует на расстоянии. Достаточно того, что две массы существуют в одной системе координат».

Отправила. Спрятала телефон в карман.

— Пойдём чай пить, — сказала Тая. — У меня печенье с шоколадом.

— Пойдём, — ответила Ли Цзин.

Они пошли через парк, мимо платанов, мимо скамейки, на которой никто не сидел, мимо фонаря, который мигал, потому что лампочка умирала медленной красивой смертью. Ли Цзин шла и улыбалась. Не широко. Не счастливо. А так, как улыбаются, когда услышали начало хорошей истории и уже знают, что конец будет красивым, но пока не знают — какой дорогой он придёт.

Чэнь Юй смотрел на неё. Один раз. В лифте. Между третьим и первым этажом. Этого хватило, чтобы что-то сдвину-

лось в её вселенной. Сдвинулось на погрешность в третьем знаке — незаметно для приборов, но достаточно, чтобы орбита изменилась навсегда.

Глава 3. Формула случайности

Место: Крыло прикладной математики, Университет Цинхуа, Пекин.

Время: 19:47. Дождь третьего уровня интенсивности.

Дождь в Пекине — это всегда уравнение с несколькими неизвестными. Он либо идёт слишком долго, смывая смог до состояния прозрачной тоски, либо обрушивается внезапно, как ошибка компиляции: без предупреждения и с катастрофическими последствиями.

Сегодня был второй случай.

Ли Цзин смотрела в окно 404-й аудитории и видела, как мир за стеклом превратился в акварель. Фонари расплылись в столбы оранжевого света, люди на остановке сжались в группы, похожие на скопления нейтронов. Ей нравилась эта аналогия. В прошлом семестре она писала работу о коллапсе волновой функции и думала, что понимает о неопределённости всё.

Затем в аудиторию вошёл профессор Се Хэн, и квантовая механика показалась ей детской игрой в песочнице.

Се Хэн был тем типом физиков, которые носят старые свитера с закатанными рукавами и говорят о нанотрубках так, будто обсуждают погоду. Тридцать семь лет, худая фи-

гура, вечные очки в тонкой оправе, от которых у первокурсниц сбивалось дыхание. Он никогда не повышал голос, никогда не улыбался шире, чем на полсантиметра. Но когда он стирал мел с пальцев — медленно, по одному, — в этом было что-то гипнотическое.

— Садитесь, — сказал он, и гул затих.

Ли Цзин села на своё обычное место: третья парта, дальний ряд, у стены. Место человека, который пришёл учиться, а не знакомиться. За четыре месяца в магистратуре она ни разу не опоздала, ни разу не забыла домашнее задание и ни разу не заговорила с сокурсником первой. Она была вежливой, тихой и абсолютно невидимой — как нейтрино.

И это её устраивало.

— Курсовая работа, — профессор Се положил на кафедру стопку распечаток. — Тема: расчёт параметров натяжения для углеродной нанотрубки с учётом дефектов решётки. Объём — пятнадцать страниц. Срок — две недели.

По аудитории пробежал общий выдох. Углеродные нанотрубки были любимой темой Се Хэна. И самой сложной.

— Но есть условие, — он поправил очки. — Работа парная. Я составил пары случайным образом.

В этом слове — «случайным» — было что-то от лукавства. В любой другой аудитории лотерея казалась бы честной. Но здесь, в крыле прикладной математики, все знали: случайность — это всего лишь модель, которую мы используем, когда не понимаем истинных причин.

Се Хэн начал зачитывать список.

— Ван Линь и Чжэн Кай. Лю Сяо и Вэй Ин. Чэнь Юй и...

Пауза. Две секунды, которые показались Ли Цзин вечностью. Она подняла глаза. Профессор смотрел прямо на неё.

— Ли Цзин.

Сердце пропустило удар.

— Чэнь Юй и Ли Цзин.

Она не обернулась. Потому что уже знала: на задней парте, у окна, сидит человек, который за последние четыре месяца не сказал ей ни слова. Человек, чьё имя произносили шёпотом, как теорему Гёделя — с уважением и лёгким страхом.

Чэнь Юй.

Вундеркинд из Шанхая. В семнадцать лет поступил сразу на второй курс. В девятнадцать опубликовал статью в *Physical Review Letters* о топологических изоляторах. В двадцать — его называли «мозгом поколения» и одновременно «человеком, который никогда не смотрит в глаза».

Ли Цзин видела его профиль сто раз. Острый подбородок, вечно взлохмаченные волосы, взгляд исподлобья — как будто он постоянно решал в уме дифференциальное уравнение в частных производных и весь мир был лишь шумом, мешающим итерации.

Она его боялась. Нет, не как человека. Как явления. Как аномалии, перед которой её собственные способности — обычная алгебра в сравнении с квантовой хромодинамикой.

Аудитория опустела. Студенты расходились, обсуждая пары и строя планы. Ли Цзин медленно собирала вещи, надеясь, что Чэнь Юй уйдёт первым.

Он не ушёл.

Он сидел, уставившись в ноутбук, и пальцы его бегали по клавиатуре с частотой, которая казалась неестественной. Он писал код, не глядя на экран — механически, как дышат.

— Чэнь Юй, — сказала она, подходя. Голос прозвучал тише, чем хотелось бы.

Он не отреагировал.

— Чэнь Юй, — повторила она громче.

Он поднял голову. На секунду их взгляды встретились, и Ли Цзин поняла, почему с ним никто не работал в парах. В его глазах не было холода. Там была пустота. Не враждебная, не злая — просто... пустая. Как ночное небо в месте без светового загрязнения: прекрасное, но такое огромное, что человек рядом с ним чувствует себя ничтожеством.

— Я Ли Цзин. Твоя пара. По курсовой.

Он моргнул — медленно, как рептилия, греющаяся на солнце.

— Я не умею работать в парах, — сказал он.

Фраза прозвучала не как отказ. Как констатация факта. «Я не умею дышать под водой». «Я не умею превращать свинец в золото». Просто свойство его природы.

Ли Цзин почувствовала, как в груди закипает раздражение. Она четыре месяца была идеальной студенткой. Вежли-

вой. Невидимой. Безопасной. Но сейчас, когда на кону стояла её курсовая — её шанс получить рекомендательное письмо от профессора Се, — она вдруг перестала быть нейтрино.

Она стала чем-то, что может столкнуться.

— А я не умею работать с высокомерными гениями, — парировала она.

Слова вырвались раньше, чем она успела их обдумать. Тишина в аудитории стала такой плотной, что можно было резать ножом.

Чэнь Юй замер. Его пальцы остановились на полуслове — над клавишей «Enter». Он смотрел на неё так, будто она только что решила задачу, которую он считал неразрешимой.

— Что? — переспросил он.

— Я сказала, — Ли Цзин уже не могла остановиться, — что высокомерие — это не замена социальным навыкам. Ты не первый гений, который считает, что мир ему должен. И не последний. Но если мы будем работать вместе, нам придётся разговаривать. Извини, если это нарушает твои планы на уединённое величие.

Она замолчала. Пульс стучал в висках. Она только что нахамила человеку, которого профессора называли «надеждой китайской физики». Человеку, чьё слово в научном сообществе весило больше, чем её диплом.

Чэнь Юй отвернулся к окну.

За стеклом дождь усилился. Капли били по подоконнику с частотой, которая напоминала белый шум. Он смотрел на

них, и Ли Цзин показалось — или он действительно слегка расслабил плечи?

— Хорошо, — сказал он наконец.

— Что — хорошо?

— То, что ты сказала. Про высокомерие. — Он повернулся к ней, и в его взгляде впервые появилось что-то человеческое. Не тепло — скорее любопытство. Как у ребёнка, который увидел в микроскоп инфузорию-туфельку и понял, что мир сложнее, чем, кажется. — Ты права. Я не умею работать в парах. Но я попробую. Если ты объяснишь мне, как это делается.

Ли Цзин не знала, что ответить. Она готовилась к спору, к защите, к холодному презрению. Но не к этому — к странной, неуклюжей капитуляции.

— Ладно, — сказала она. — Завтра в три в библиотеке. Принеси свои расчёты по модулю Юнга. Мои — вот.

Она протянула ему флешку.

Чэнь Юй взял её кончиками пальцев — осторожно, как бомбу.

— Спорим, — сказал он вдруг, — что я решу эту задачу за три дня?

— Я не спорю с гениями. Это нечестно.

— А с высокомерными гениями?

Ли Цзин улыбнулась. Впервые за четыре месяца.

— С ними — тем более.

Она вышла из корпуса в 21:15. Дождь не просто усилился — он обрёл злой, осенний характер. Ветер бросал капли в лицо горизонтально, как дробь. Зонт, который она захватила утром, был маленьким, дешёвым и абсолютно бесполезным.

Ли Цзин стояла под козырьком и смотрела, как лужи растут со скоростью, пугающей для середины сентября. Метро закрывалось через двадцать минут. Общежитие — в двадцати минутах ходьбы. Если побежать, можно успеть до того, как вода промочит кроссовки.

Она уже сделала шаг в дождь, когда услышала за спиной шаги.

— Стой, — сказал Чэнь Юй.

Он догнал её у выхода. В одной руке — огромный чёрный зонт, похожий на крыло летучей мыши. В другой — рюкзак, который, судя по весу, содержал не меньше трёх килограммов научной литературы.

— Ты живёшь в Сине-зелёном общежитии? — спросил он.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю всё. — Он сказал это без тени иронии. Просто факт. — Я тебя провожу.

— Не нужно.

— Я не предлагаю. Я констатирую.

Он раскрыл зонт — и мир под ним стал другим. Тише. Ближе. Ли Цзин вдруг почувствовала запах его куртки — мокрой кожи, озона и кофе, который он, наверное, пил без-

остановочно.

— Иди, — сказал он.

Она шагнула под зонт.

Они пошли молча. Не потому, что не о чем было говорить — скорее потому, что любой звук сейчас казался кощунством. Дождь создавал идеальный фон: монотонный, всепроникающий, отменяющий необходимость слов.

И только через три минуты Ли Цзин заметила.

Зонт был большим. Достаточно большим, чтобы укрыть двоих. Но Чэнь Юй держал его так, что большая часть полотна нависала над её головой. Сам он шёл с правой стороны — и правое плечо его куртки уже потемнело от воды.

— Ты промокнешь, — сказала она.

— Неважно.

— Твоя куртка...

— Термостойкая углеродная ткань, — перебил он. — Высыхает за две минуты. Не отвлекайся.

Она не поняла, что он имел в виду. Не отвлекаться от чего? От ходьбы? От дождя? От того, что он, чёрт возьми, наклонил зонт в её сторону и теперь его правая половина полностью открыта ливню?

Они прошли мимо цветущих акаций — белые лепестки сбило дождём, и они лежали на асфальте, как конфетти после чужой свадьбы. Мимо круглосуточного магазина, из которого доносилась песня Цай Илия — старая, ностальгическая. Мимо пары, которая целовалась под козырьком оста-

новки, совершенно не стесняясь мира.

Чэнь Юй смотрел прямо перед собой. Его профиль в свете фонарей казался высеченным из мрамора — таким же неподвижным и вечным.

Ли Цзин смотрела на его правое плечо.

Капли стекали по ткани, собирались в ручейки, падали на землю. Он не шурился, не ускорял шаг, не перехватывал зонт поудобнее. Он просто шёл, как будто дождь был частью его, а не внешней средой.

«Любовь начинается не с поцелуя, — подумала она вдруг. — Она начинается с того, что кто-то промокает правым плечом, чтобы ты осталась сухой».

Мысль была чужой. Она пришла откуда-то из детства, из старых романов, которые читала мама. Ли Цзин никогда в них не верила. Она верила в формулы, в расчёты, в чёткие условия сходимости. А тут — никакой формулы. Один небрежный жест. Зонт, смещённый на двенадцать сантиметров.

— Спасибо, — сказала она наконец.

Чэнь Юй не ответил.

Они дошли до общежития. Свет в окнах горел жёлтым — тёплым, обещающим сухость и чай. У входа, под козырьком, Ли Цзин остановилась.

— Всё, я дома.

Он кивнул и только сейчас, кажется, заметил, что его правое плечо промокло насквозь. Он посмотрел на него с лёг-

ким удивлением — как на результат эксперимента, который дал неожиданные данные.

— Завтра в три, — напомнила она.

— В три, — подтвердил он.

Он повернулся и пошёл обратно под дождём. Зонт он так и не переложил в левую руку — продолжал держать над тем местом, где только что была она.

Ли Цзин стояла в дверях и смотрела, как его фигура растворяется в завесе воды. Через тридцать секунд он исчез полностью — только смутный силуэт и плечо, которое теперь было чёрным от влаги.

Она зашла в комнату. Соседка спала.

Ли Цзин села на кровать, обхватила колени руками и вдруг поняла, что её собственное правое плечо — совершенно сухое.

В ту ночь она не могла уснуть.

Не потому, что волновалась о курсовой. Не потому, что боялась, что Чэнь Юй окажется невыносимым партнёром. А потому, что в её голове застряла одна фраза. Фраза, которую она не сказала. Которую даже не успела подумать. Она просто зависла где-то между синапсами, как баг в системе.

«А что, если бы я посмотрела на него тогда? В аудитории. Когда он сказал «я не умею работать в парах». Что, если бы я не огрызнулась, а посмотрела — просто посмотрела — и он бы увидел, что я тоже не умею?»

Она перевернулась на другой бок.

За окном дождь стихал. Капли били по карнизу с периодом в две секунды — ритм, который её отец, инженер-гидротехник, называл «формулой скуки».

Ли Цзин закрыла глаза и увидела его профиль. Чэнь Юя. С мокрым плечом. С зонтом, который был слишком большим для одного и слишком маленьким для двоих. С отсутствующим взглядом, который вдруг стал совсем не отсутствующим, когда он сказал: «Ты права».

Она заснула под утро. И во сне решала уравнение, в котором неизвестной была не нанотрубка.

Неизвестной был угол наклона зонта.

Утром дождь кончился.

Пекин был серым, мокрым, но каким-то очищенным — как доска после того, как стёрли старые формулы. Ли Цзин пришла на кафедру раньше всех. Профессор Се уже был там — сидел за своим столом, читал статью.

— Ли Цзин, — произнёс он, не поднимая глаз. — Ты вчера виделась с Чэнь Юем?

Она замерла.

— Да, профессор. Мы договорились о встрече.

— Он согласился работать в паре?

Станный вопрос. Словно Се Хэн знал, что Чэнь Юй обычно отказывается.

— Да, — сказала она. — Согласился.

Профессор поднял очки на лоб и посмотрел на неё в упор. В его взгляде было что-то, чего она раньше не замечала. Усталость? Нет. Скорее — осторожный интерес. Как у человека, который поставил эксперимент и теперь ждёт результатов.

— Знаешь, — сказал он медленно, — я составлял пары не случайно.

Ли Цзин затаила дыхание.

— Я знаю, что Чэнь Юй не умеет работать с людьми. Он гений — настоящий, не кабинетный. Но гении тоже ломаются. Иногда им нужен кто-то, кто скажет им правду. Кто не боится.

Он замолчал. В комнате было тихо — только часы тикали на стене.

— Я не знаю, почему выбрал тебя, — продолжил Се Хэн. — Может быть, потому что ты единственная, кто ни разу не подошёл к нему с восторгом. Кто не просил автограф. Кто не пыталась с ним сфотографироваться. Ты просто... была рядом. Невидимая. Как нейтрино, да?

Она вздрогнула. Точно про себя она называла своё поведение «нейтринной стратегией».

— Но нейтрино, — профессор улыбнулся — впервые за всё время, — иногда взаимодействуют. Очень редко. Но когда это случается, они меняют всё. Понимаешь?

Ли Цзин кивнула. Хотя не понимала ничего.

— Присмотри за ним, — сказал Се Хэн и вернулся к ста-

ть. — И за собой тоже. Эта курсовая — не о нанотрубках.

Она вышла из кабинета с чувством, что её только что посвятили в тайну, к которой она не была готова.

— О чём же она? — спросила она у закрытой двери.

Ответа не было.

В три часа дня библиотека имени Исикавы была пуста. Студенты ещё не отошли от лекций, и единственными звуками были шелест страниц и гул кондиционера.

Ли Цзин сидела за дальним столом, у окна, и раскладывала свои расчёты. Уравнения для углеродной нанотрубки были красивыми — симметричными, элегантными, как китайская каллиграфия. Ей нравилось, как члены сокращаются, как параметры подгоняются друг к другу, как решение вдруг всплывает из хаоса цифр.

Она любила математику за то, что в ней всё было честно. Затем пришёл Чэнь Юй.

Он сел напротив, не спросив разрешения, вытащил ноутбук и начал печатать. Ни «здравствуй», ни «как дела». Просто — работа.

— Твои расчёты по модулю Юнга, — сказал он, кидая на стол три листа. — Ошибка в третьем знаке.

Ли Цзин почувствовала, как лицо заливается краской.

— В каком ещё знаке?

— В третьем. После запятой. Ты использовала коэффициент Пуассона для графена, а не для нанотрубки. Это даёт

погрешность в 0,0037 процента.

— Это ничтожно мало.

— Для тебя — да. Для космического лифта — нет.

Она хотела огрызнуться, но вспомнила его мокрое плечо.

Вспомнила, как он шёл под дождём, не перекладывая зонт.

И вместо гадости сказала:

— Покажи.

Чэнь Юй поднял глаза. Удивление — снова то же самое, что вчера. Он привык, что на его критику либо обижаются, либо восхищаются. Но не привык, чтобы просили показать.

— Вот, — он развернул ноутбук.

Они склонились над экраном. Их головы оказались так близко, что Ли Цзин слышала его дыхание — ровное, спокойное, как уравнение теплопроводности.

— Видишь? — он водил пальцем по формулам. — Здесь нужна поправка на хиральность. Нанотрубка — это не лист графена, свёрнутый в цилиндр. У неё есть вектор свертки. Если его не учесть...

— Всё расходится, — закончила она. — Я знаю. Я просто... не подумала.

— Ты слишком быстро считаешь, — сказал он. — Это твоя проблема. Ты хочешь получить результат раньше, чем поймёшь структуру.

Она отвернулась к окну. За стеклом серое небо наливалось свинцом — к вечеру снова будет дождь.

— Откуда ты знаешь, как я считаю?

— Я наблюдал.

— За мной?

Пауза. Три удара сердца.

— За всеми, — сказал он, наконец. Но его пальцы, которые секунду назад уверенно скользили по клавиатуре, вдруг замерли.

Ли Цзин посмотрела на его руки. Длинные пальцы, аккуратные ногти — руки пианиста или хирурга. И родинка на левом запястье, которую она запомнила навсегда, сама не зная почему.

— Чэнь Юй, — сказала она.

— Что?

— Почему ты не переложил зонт?

Он замер. Совсем. Как процесс, который вошёл в бесконечный цикл.

— Какой зонт?

— Вчера. Ты намочил правое плечо. Если бы переложил зонт в левую руку, остался бы сухим.

Он смотрел на неё так, будто она спросила его о чём-то настолько личном, что даже формулы бессильны.

— Я не думал, — сказал он, наконец.

— Ты всегда думаешь. Ты же гений.

— Не всегда, — его голос упал до шёпота. — Иногда я делаю вещи, которые... не вписываются в модель.

— Например?

Он молчал. Долго. Так долго, что Ли Цзин уже решила —

не ответит. Но он ответил. Одним движением.

Чэнь Юй протянул руку и убрал прядь волос с её лица.

Касание длилось долю секунды. Его пальцы — холодные, чуть влажные от кофе — скользнули по её виску, собрали выбившуюся прядку и заправили за ухо. Жест был настолько естественным, что, казалось, он делал это тысячу раз.

Он отдернул руку, как от огня.

— Извини, — сказал он. — Я не должен был.

Ли Цзин не могла дышать. Всё её тело превратилось в одну большую сенсорную клетку. Там, где он коснулся, кожа горела.

— Почему? — спросила она чужим голосом.

— Потому что это — ошибка в третьем знаке, — он отвернулся к окну. — Маленькая. Незначительная. Но если её накопить... она разрушает систему.

— Какую систему?

— Мою, — сказал он.

Дождь за окном начался снова. Сначала редкие капли, потом ливень — без переходов, без предупреждений. Как будто небо устало ждать.

Чэнь Юй смотрел на струи воды и молчал. Ли Цзин смотрела на его профиль — мраморный, неподвижный — и вдруг поняла одну вещь, которую не могла доказать никакой формулой.

Он боялся. Не дождя, не курсовой, не профессора Се. Он боялся того, что произошло между ними. Этого: зонга, мок-

рого плеча, случайного прикосновения. Потому что всё это не вписывалось в его идеальную, выверенную, стерильную систему мира.

И она тоже боялась.

Но страх, который она чувствовала, был другим. Это был страх человека, который увидел на горизонте цунами и понял, что бежать некуда. Потому что цунами — внутри.

— Чэнь Юй, — сказала она.

Он не обернулся.

— Посмотри на меня.

Он обернулся.

И в его взгляде — в этом пустом, холодном, математическом взгляде — она вдруг увидела не пустоту. А бесконечность. Такую же огромную, как Вселенная, и такую же одинокую.

— Твоя система, — сказала она медленно, — не разрушится от одной ошибки. Она разрушится, если ты никогда не позволишь себе ошибиться.

Он смотрел на неё. Дождь барабанил по подоконнику. Чьи-то шаги в коридоре — студент, забывший учебник — быстро удалялись.

Глава 4. Телескоп в багажнике

Парковка у корпуса прикладной математики в час ночи выглядит как симуляция пустыни: пустая, вылизанная луной и желтыми пятнами фонарей, с редкими лужами, в которых отражается бесконечность. Только одна машина — старая

«Тойота» цвета утреннего тумана — стоит под фонарём, распахнув заднюю дверь, как будто приглашает кого-то в свой тёплый металлический живот.

Ли Цзин замерла в пяти шагах, сама не понимая, почему остановилась.

Она шла к общежитию через стоянку — короткий путь, который обычно никто не использовал после полуночи, потому что здесь не было камер и асфальт давно потрескался. Но сегодня её ноги сами свернули с аллеи, вымощенной серой плиткой, туда, где воздух пах нагретым за день бетоном и остывающим металлом. «Почему я здесь?» — мелькнула мысль, но она не стала на неё отвечать. В последнее время она перестала задавать себе вопросы о нём — тело просто знало, куда идти.

И увидела его.

Чэнь Юй стоял у багажника, согнувшись под тяжестью того, что она сначала приняла за трубу. Но потом свет фонаря скользнул по гладкому белому корпусу — и она узнала телескоп. Ньютоновский рефлектор, кажется. Или что-то более старое — с медными деталями, которые давали мягкие блики, будто инструмент помнит руки, которые прикасались к нему много лет назад.

Он грузил телескоп осторожно, как перекладывают спящего ребёнка: боясь разбудить, боясь сделать больно. Сначала тренога, завернутая в тёмную ткань — он положил её вдоль багажника, подложив под неё сложенную ветровку,

чтобы не царапалась. Потом труба — длинная, почти метр, с потускневшими кольцами фокусировки, которые он протёр рукавом, прежде чем уложить. Потом коробка с окулярами, которую он поставил в угол, застелив старым полотенцем, из тех, что выдают в общежитии — серым, с выцветшей надписью.

«Он заботится об этом телескопе больше, чем о себе», — подумала Ли Цзин. И от этой мысли у неё что-то сжалось в груди.

Она сделала шаг. Ещё один. Её тень от фонаря легла ему на плечо — тёмная, удлинённая, как призрак.

Он не вздрогнул. Даже не обернулся. Только пальцы на секунду замерли на краю багажника — напряглись, потом расслабились. Он знал, что она здесь. Он знал это ещё до того, как она сделала первый шаг.

— Ты всегда ходишь по парковкам в час ночи? — спросил он, не поднимая головы. Голос был ровным, но в нём Ли Цзин услышала то, что другие, возможно, пропустили бы: лёгкую хрипотцу, будто он долго молчал перед этим.

— Ты всегда грузишь телескопы в час ночи? — ответила она вопросом на вопрос.

И улыбнулась, хотя он не мог видеть её улыбки. Спина у него была прямая, плечи широкие, и в холодном свете фонаря волосы отливали синим — той синью, которая бывает у угля, когда он только начинает гореть в темноте. Она вспомнила, как в детстве рассматривала угли в печи у бабушки в

деревне — и вот сейчас этот цвет вернулся.

Чэнь Юй выпрямился. Повернулся к ней.

Боже, какой же он обычный. И какой необычный одновременно. Ресницы длинные — она помнила эти ресницы ещё из лифта, когда они поднимались на пятый этаж, и он смотрел в пол, а она украдкой разглядывала его профиль: линию челюсти, ямочку на подбородке, тот странный шрам над бровью — белый, почти незаметный, но если знать, где искать... Чёлка падает на глаза, и он её не убирает — просто прищуривается, как будто мир для него всегда слишком яркий, даже в два часа ночи. «Или слишком тёмный», — подумала она. — «И он привык щуриться, чтобы разглядеть хоть что-то».

— На холмы, — сказал он, отвечая на её первый незаданный вопрос. — За городом нет светового загрязнения.

«Световое загрязнение». Она бы засмеялась, если бы это сказал кто-то другой — слишком научно, слишком сухо. Но из его уст это звучало так же естественно, как «здравствуйте» или «передай соль». Как будто он думал на этом языке — языке астрономии и формул, — даже когда молчал.

— Хочешь сказать, что в Пекине звёзд не видно? — спросила она, хотя знала ответ. За три года в университете она привыкла, что ночное небо над городом — это просто более тёмная версия дневного: без единого просвета, без надежды.

— В Пекине не видно даже Луны, если там, где ты живёшь, есть окна, — ответил он.

Он сказал это без пафоса. Без той дешёвой философии, которую любят добавлять студенты, чтобы казаться глубже. Просто констатировал факт, как уравнение, у которого нет решения. И этот факт почему-то сделал его ещё более одиноким в её глазах.

Ли Цзин посмотрела на его руки. Пальцы длинные, с тёмными прожилками вен, которые проступали на бледной коже — как реки на старой карте. На безымянном — тонкий серебряный след от кольца, которое он, видимо, носил раньше и снял. На указательном — свежая царапина, которую он, кажется, даже не заметил: тонкая красная линия, чуть припухшая. «Он поранился, когда собирал телескоп», — поняла она. — «И даже не почувствовал».

И вдруг, сама не веря тому, что делает, она услышала свой голос:

— Возьми меня с собой.

Тишина легла между ними, как третий человек — плотная, почти осязаемая, с той тяжестью, когда каждое слово может разрушить что-то хрупкое.

Она слышала, как где-то далеко сигналит такси — высокий, пронзительный звук, который тонул вдали. Как ветер гоняет по асфальту сухой лист — шорох, скрежет, короткий полёт. Как внутри неё что-то маленькое и отчаянное замерло в ожидании ответа, сжалось в комок и спряталось под рёбрами.

Чэнь Юй молчал ровно три секунды. Она знала, что три,

потому что считала свои удары сердца: медленный, сильный удар — раз. Ещё один — два. Третий застрял где-то в горле.

Потом он открыл пассажирскую дверь.

Не сказал «садись». Не кивнул. Не улыбнулся, чтобы разрядить напряжение. Просто щёлкнул замком — сначала один раз, потом второй, потому что первая попытка была неловкой, и старая ручка заела. И отошёл в сторону, уступая ей дорогу, как открывают дверь перед тем, кого давно ждали.

Она села.

И сразу поняла, что не сможет забыть этот запах. И не захочет.

Старая кожа — не дорогая, не мягкая, а та, которая помнит девяностые, когда отцы покупали «Тойоты» на вторичном рынке и возили в них детей в школу по утрам. Бензин — не резкий, как на заправке, а какой-то тёплый, смешанный с пылью, нагретым пластиком приборной панели и сладковатым запахом выхлопа, который проникает в салон через неплотные уплотнители. И — странное дело — его дезодорант.

Тот самый, который она запомнила ещё в лифте. Пять дней назад? Нет, уже шесть. Она стояла справа от него, сжимая папку с курсовой так сильно, что побелели пальцы, а он слева — и вдруг этот запах цитруса, но не сладкого, как в дешёвых спреях, а с горчинкой, как цедра грейпфрута в октябре, и что-то деревянное, вроде кедра после дождя. Она тогда закрыла глаза на секунду — одну короткую секунду,

— и представила осенний лес, где пахнет мокрой корой и палыми листьями.

Теперь этот запах был повсюду. На подголовнике, где он оставлял затылок, когда сидел за рулём. На потёртом рычаге переключения передач, который помнил его ладонь тысячами прикосновений. На ремне безопасности, который она застегнула с тихим щелчком и который тут же вжал её в сиденье — слишком сильно, будто хотел защитить от чего-то, чего она пока не видела. Или от кого-то. Может быть, от самой себя.

Чэнь Юй сел за руль. Завёл двигатель.

«Тойота» вздрогнула, кашлянула — коротко, надсадно, — и заурчала ровно, как довольный кот, который, наконец, нашёл тёплое место.

— Пристегнулась? — спросил он, хотя видел, что да. В зеркале заднего вида мелькнуло её отражение: тёмные волосы, большие глаза, в которых плясали жёлтые огни фонарей.

— А ты всегда такой заботливый? — спросила она, хотя тоже видела, что да. Что он из тех людей, кто заботится молча, не требуя благодарности, почти незаметно — и именно от этого забота становится невыносимо ценной.

Он не ответил. Только включил фары — и жёлтый свет выхватил из темноты пустую парковку, серые столбики ограничителей, о которые когда-то давно кто-то разбил бампер, и далёкий силуэт общежития, где горели редкие окна. Кто-то ещё не спал. Кто-то тоже ждал чего-то от этой ночи.

Они выехали с территории университета в 1:17 ночи. Ли Цзин запомнила время, потому что взглянула на часы, на приборной панели — старые, зелёные, те, что светятся аналоговыми цифрами, как в фильмах девяностых, когда ещё не было смартфонов, и люди читали друг друга по глазам, а не по сообщениям.

Первые десять минут он вёл молча. Ли Цзин смотрела в окно на проплывающие витрины закрытых магазинов, редкие фигуры ночных прохожих в светоотражающих куртках, на бесконечные жилые башни с тёмными окнами — муравейники, в которых спали миллионы людей. «Интересно, — подумала она, — кто из них тоже сейчас едет куда-то с тем, кто молчит, но чьё молчание говорит громче слов?»

Потом он включил радио.

Потом, через две минуты, выключил.

— Радио не работает? — спросила она, хотя работало. Она слышала обрывки джаза — пианино, томный женский голос, — прежде чем он нажал на кнопку выключения.

— Работает, — сказал он. — Просто не хочу заглушать.

«Не хочу заглушать тишину», — закончила она про себя.

И вдруг поняла, что впервые в жизни ей не нужно объяснять человеку очевидные вещи. Он чувствовал то же, что и она: что тишина между ними — это не пустота, которую надо заполнять. Это пространство, где можно дышать.

Они ехали через ночной город. Фонари проносились мимо, как световые столбы на космической скорости, отбрасы-

вая на лицо Чэнь Юя полосы — жёлтые, чёрные, снова жёлтые. Он смотрел на дорогу ровно, без напряжения, но её острый взгляд заметил, что его пальцы на руле были белыми — особенно там, где свежая царапина наливалась тёмным, как будто под кожей пряталась маленькая вселенная.

Ли Цзин хотела спросить про телескоп. Про деда. Про то, почему он один грузит его в час ночи в машину, которая пахнет бензином и его собственным одиночеством. Про отца, которого он никогда не упоминал. Но она не спросила.

Потому что дорога за городом стала другой. Асфальт кончился, начался грейдер — разбитый, с выбоинами, — и «Тойота» застучала колёсами по щебёнке, и этот звук заполнил всё: ритмичный, успокаивающий, как пульс. Как пульс матери, когда ты в детстве прижимался ухом к её животу.

Она откинулась на спинку сиденья, почувствовала, как позвонки находят удобное положение, и повернула голову к окну. Там, за стеклом, был какой-то другой мир — без фонарей, без неоновых вывесок, без красных огней вышек сотовой связи. Там была просто темнота. Плотная, бархатная, похожая на ту, что бывает перед самым рассветом, когда небо смешивается с землёй и теряется граница между реальностью и сном. И эта темнота почему-то не пугала. С ним — нет.

— Мы скоро? — спросила она тихо, чтобы не разрушить эту хрупкую тишину.

— Через пять минут.

Он свернул на дорогу, которой не было на картах. По крайней мере, на тех, что были у неё в телефоне. Она проверила краем глаза — белое пятно значка геолокации дрожало в пустоте, не находя спутников, как будто их выключили специально для этой поездки.

«Ну и пусть», — подумала Ли Цзин. — «Может, это к лучшему». И убрала телефон в карман джинсов, даже не взглянув на экран.

Холмы оказались не холмами в привычном смысле слова — не теми зелёными волнами, которые рисуют на открытках. Это был просто подъём — пологий, заросший тощей, выгоревшей за лето травой, с одиноким деревом на вершине, которое ветер скрутил в спираль, как старый бумажный зонт. Чэнь Юй заглушил двигатель на середине склона, не доезжая до вершины.

— Дальше пешком, — сказал он и посмотрел на неё, впервые за всю поездку.

В темноте его глаза казались чёрными — двумя бездонными колодцами. Но когда луна вышла из-за облака — тонкая, как лезвие, — она заметила, что на самом деле они тёмно-карие, почти шоколадные, и в них, как в старых зеркалах с потускневшей амальгамой, отражается свет.

— Тебе помочь с телескопом? — спросила она, уже открывая дверь.

— Справлюсь.

Он вышел из машины и открыл багажник. Ли Цзин вышла

следом — и тут же пожалела, что не взяла кофту. Ночной воздух за городом был другим: не влажным и душным, как в Пекине, а прозрачным и острым, как первый кусок арбуза августовским утром, когда холодок от холодильника ещё не выветрился. Он пах полыньёю, сухой землёй и тем особенным запахом, который бывает только далеко от людей — когда ты один на один с небом.

Она стояла, обхватив себя руками за плечи, и смотрела, как он собирает телескоп. Тренога — на землю, ровно, по уровню. Труба — в крепления, с мягким щелчком. Окуляры — по очереди, сначала широкоугольный, потом тот, которым смотрят на планеты — самый маленький, с тонкой резьбой. Его движения были точными и бережными, как у хирурга, который оперирует то, что дороже собственной жизни. Или у того, кто делает это в сотый раз — и каждый раз как в первый.

— Твой дед научил тебя? — спросила она, вспомнив его слова про Млечный Путь, сказанные в машине. «Млечный Путь в шестьдесят втором году», — подумала она. — «Когда люди ели траву».

Чэнь Юй замер. На секунду — на полсекунды — его пальцы сжали трубу так сильно, что побелели суставы. Потом он продолжил, но уже медленнее, будто каждое следующее движение требовало больше усилий.

— Дед показывал, — сказал он. — Когда я был маленьким. Мы уезжали за город на велосипедах. Он ставил теле-

скоп в поле, и я лежал на траве и смотрел, как звёзды дрожат, потому что воздух движется. Дед говорил, что звёзды — это не точки. Это огни. И если долго смотреть, можно увидеть, как они дышат.

— А теперь? — тихо спросила она. — Ты едешь один?

Он не ответил. Закончил сборку, выпрямился, потянулся — и хрустнули позвонки. Повернул трубу вверх, туда, где облачный слой висел низко, как серое одеяло.

— Смотри, — сказал он.

Ли Цзин подошла ближе. Встала рядом — так близко, что чувствовала тепло его тела через тонкую ткань его футболки. Он пах цитрусом, ночной прохладой и ещё чем-то — может быть, кофе, который пил вечером. И она вдруг поняла, что между ними нет никого и ничего во всём мире. Только телескоп, устремлённый в пустое небо, и этот ветер, который дул с востока.

Она нагнулась к окуляру — холодный металл коснулся скулы.

И ничего не увидела.

Серое, мутное пятно. Ни звёзд. Ни планет. Ни Млечного Пути, о котором он говорил с такой странной нежностью в голосе, когда они только сели в машину. Только облака — плотные, непробиваемые.

— Облачно, — сказала она, выпрямляясь. В её голосе прозвучало разочарование — и она не стала его скрывать. Она уже устала притворяться с ним.

Он кивнул. Молча посмотрел на небо — туда, где должны были быть звёзды, — и вдруг его лицо изменилось. Не то чтобы он расстроился. Скорее, он стал... уязвимым. Как будто облака скрыли не только звёзды, но и ту стену, которую он строил между собой и миром последние пять лет, а может, и все двадцать два года жизни.

— В другой раз получится, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал бодро. Она хотела положить руку ему на плечо — но не решилась. Слишком рано. Слишком много.

Он ничего не ответил. Начал разбирать телескоп — и теперь его движения были быстрыми, почти резкими. Не потому, что он злился на неё. А потому, что не знал, куда деть эту пустоту внутри, когда самое важное, ради чего ты ехал, не случилось.

Они вернулись в машину. Тишина стала другой — не тяжёлой, как по дороге сюда, когда они боялись первого слова. А какой-то потерянной. Или ожидающей. Как будто что-то должно было произойти — и произошло, но не так, как планировалось.

Чэнь Юй не заводил двигатель. Просто сидел, положив руки на руль, и смотрел в лобовое стекло, за которым ничего не было — только серое полотно облаков и одинокий силуэт скрученного дерева на вершине холма. Ветки его раскачивались, и в этом движении было что-то танцующее — траурное и прекрасное одновременно.

И тогда он заговорил.

Сначала Ли Цзин не поняла, что он говорит именно это — потому что слова шли не с той интонацией, какая бывает у историй, рассказанных вслух. Он говорил, как будто думал вслух. Как будто разрешил себе, наконец, выпустить наружу то, что держал внутри так долго, что мышцы горла свело.

— Моему деду было семь, когда он впервые увидел Млечный Путь. В шестьдесят втором. Голодный год. Они жили в провинции, и ночью выходили в поле — есть траву, корни, кору. И дед поднял голову. И увидел. Он говорил, что это был самый красивый момент в его жизни — потому что на секунду он забыл, что голоден. Что мир может быть красивым, даже когда ты умираешь.

Она молчала. Не потому, что нечего сказать. А потому, что перебить эти слова было бы преступлением. Она чувствовала, как каждое его слово падает в темноту салона и остаётся там — навсегда.

— Он купил телескоп в девяносто пятом. На все сбережения. Моя бабушка тогда заболела — что-то с лёгкими, врачи не могли понять, что именно. И дед мог потратить деньги на лекарства. Но он купил телескоп. Сказал: «Я покажу тебе звёзды, и ты перестанешь бояться». Она умерла через три месяца.

Голос его не дрожал. Он был ровным, как гитарная струна. Но Ли Цзин слышала эту дрожь. Не ушами — всем телом, тем местом под рёбрами, которое сжимается, когда кто-то рядом плачет, но не позволяет себе всхлипнуть. **Облака**

скрыли звёзды, но не скрыли того, как дрожит его голос, когда он говорит об отце.

— Телескоп перешёл к моему отцу, — сказал он. — Отец его никогда не использовал. Он вообще не смотрел вверх. Только вниз — в чертежи, в формулы, в землю, когда строил дома для других. Он умер пять лет назад. Сердце. В сорок семь.

Чэнь Юй замолчал. Его пальцы на руле расслабились — как будто он сказал самое тяжёлое и теперь можно выдохнуть. Он убрал руки и положил их на колени — ладонями вверх, как будто ждал, что кто-то вложит в них что-то важное. Монету. Ключ. Или просто свою ладонь.

— Я не знаю, почему я грузу этот телескоп в багажник по ночам, — сказал он тихо. — Звёзд всё равно не видно. Но если я этого не делаю, мне кажется, что они оба — дед и отец — исчезнут совсем. Не только из жизни. Из памяти. А я не хочу их забывать. Это всё, что у меня осталось.

Ли Цзин смотрела на его профиль. Свет от приборной панели — зелёный, аналоговый — подсвечивал скулы, подбородок, ту ямочку на щеке, которая появляется, когда он сжимает зубы. Она заметила, что у него длинные ресницы. И что они влажные. Совсем чуть-чуть — так, что заметила бы только та, кто смотрит так, как смотрела она.

— Облачно, — сказал он, и это слово прозвучало как «прости». За то, что привёз сюда. За то, что ничего не показал. За то, что рассказал слишком много.

Но она не хотела, чтобы он извинялся.

Её рука сама легла на рычаг переключения передач. Она не знала зачем — просто почувствовала, что ей нужно до него дотронуться. Через что-то. Через холодный металл, потёртый пластик, через эту старую машину, которая помнит запах отца и дедовы слёзы, — пусть это будет мостиком.

Прошла секунда. Или вечность.

Его ладонь накрыла её сверху.

Не ждала. Просто легла — тёплая, сухая, с длинными пальцами, на одном из которых — та самая царапина. Она чувствовала каждую линию его руки, каждую косточку, каждое биение пульса — быстрого, сбивчивого, такого живого. Он дышал тяжелее, чем минуту назад. Она тоже.

А потом он убрал руку.

Без объяснений. Без «извини» и «не надо». Просто убрал, как будто испугался, что это продлится слишком долго — и тогда придётся что-то говорить, а он не знает, что. Или знает, но боится сказать.

Ли Цзин не отодвинулась. Её рука осталась на рычаге — пустая, помнящая тепло.

— Облачно, — повторил он, как заклинание. — В другой раз.

«В другой раз» — две секунды, полных надежды.

Потом она сказала:

— В другой раз я напишу тебе.

Он повернул голову. Посмотрел на неё — прямо, впервые

за весь вечер, не отводя взгляда. И в его глазах было что-то, отчего у неё перехватило дыхание. Не любовь — она не была настолько глупа, чтобы называть это так после одного разговора, одного прикосновения, одной ночи, когда они не увидели звёзд.

Это было удивление.

Как будто он всю жизнь готовился к тому, что его никто не услышит, никто не захочет слушать. А она услышала. И осталась. Сидела в его старой машине, в его куртке, дышала его запахом и ждала.

— Напишешь? — переспросил он.

— Напишу. Ты мне диктуй.

Он улыбнулся. Первый раз за ночь. Улыбка была кривой, неловкой, совсем не красивой, если смотреть со стороны — асимметричной, с чуть дрожащими уголками губ. Но Ли Цзин показалось, что она видит сейчас самое прекрасное, что может быть на свете: человека, который разрешил себе надеяться. Не на звёзды — на то, что кто-то будет рядом, когда облака рассеются.

— Мы могли бы поехать в другое место, — сказал он. — Я знаю одно. В сторону запада. Там обычно безоблачно.

— Обычно — это не всегда, — ответила она, улыбнувшись в ответ.

— Но иногда — да.

Он завёл двигатель. «Тойота» вздрогнула — в этот раз мягче, как будто она тоже была благодарна за эту ночь. И в

этом дрожании было что-то родное, почти живое. Как будто машина тоже дышала этим воздухом, этой тишиной, этим странным чувством, которое возникло между ними — хрупкое, неуверенное, но уже пустившее корни глубже, чем можно было предположить.

Она снова посмотрела в окно. Облака висели низко, серые и тяжёлые, как вата. Ни одной звезды. Ни одного просвета.

Но она знала, что звёзды есть. Просто скрыты. Как его голос, когда он говорил об отце. Как её собственное сердце, когда он положил свою ладонь на её руку на рычаге передач.

— Ты замёрзла? — спросил он, включая печку. Старый обогреватель засопел, загудел — и через секунду из дефлекторов потянуло тёплым, сухим воздухом.

— Немного, — соврала она.

Она замёрзла сильно — до озноба, до мурашек на руках. Но не хотела, чтобы он это знал. Потому что если бы он предложил свою куртку — ту, в которой был сейчас, пахнущую им, — она бы согласилась. И тогда пришлось бы сидеть ещё ближе, дышать его запахом на расстоянии вытянутой руки, и терпеть эту сладкую, мучительную боль, которая называется «может быть».

Он всё равно снял куртку. Одной рукой, не глядя на дорогу — что было опасно на грейдере, — но в три часа ночи на пустынной, никому не известной дороге можно позволить себе маленькое безумство. Он снял её молча, перебросил через спинку сиденья и бросил прямо ей на колени.

— Не спорь, — сказал он, заметив, что она открыла рот.

Она не стала спорить. Натянула куртку на плечи — слишком большую, с длинными рукавами, которые пришлось завернуть. Ткань была мягкой, внутри тёплой от его тела — и пахла им. Тем самым цитрусом с кедром, который она искала в магазинах, но так и не нашла, потому что это был не запах из флакона, не формула, не композиция парфюмера.

Это был запах человека, который впервые за пять лет сказал кому-то про отца. И про деда, который ел траву, но запомнил звёзды.

Они ехали обратно молча. Но это молчание было другим — не тем, которое давит и заставляет придумывать темы для разговора, а тем, которое говорит: «Я здесь. Я никуда не ушёл. И ты не уходи». Оно было тёплым, как его куртка на её плечах.

У ворот общежития он остановился, не глуша двигателя. Фары погасли сразу — он их выключил, чтобы не слепить тех, кто мог выглянуть в окно.

— Ты не спросила, что я искал на небе, — сказал он вдруг, глядя прямо перед собой на закрытый шлагбаум.

— Не спросила.

— Орион. Дедушка показывал мне Орион. Говорил, что это охотник, который никогда не сдаётся. Даже когда его преследуют, даже когда всё против него — он поднимает лук и целится. Дед говорил, что в этом вся жизнь.

Она посмотрела на его руки. На рычаг передач. На то ме-

сто, где минуту назад лежала её рука, а сверху — его. Там всё ещё сохранилось тепло — или ей просто казалось.

— В следующий раз, — сказала она, — я увижу Ориона. Даже если будет облачно. Потому что я знаю, что он там.

Чэнь Юй кивнул. Не улыбнулся — просто кивнул, как будто принял важное решение, которое касалось не только звёзд. Потом он посмотрел на неё — долго, изучающе, как на звёздную карту, которую решил запомнить наизусть.

Она вышла из машины, закинула рюкзак на плечо и сделала три шага к двери общежития. Обернулась.

«Тойота» всё ещё стояла. Фары не горели — он их погасил, и в этом была какая-то странная деликатность, как будто он не хотел, чтобы кто-то ещё увидел её лицо в этот момент. Но в салоне горел слабый зелёный свет от приборной панели — мягкий, уютный, как светильник в детской комнате.

И в этом свете она увидела, как он поднял руку.

Не помахал. Не пожелал спокойной ночи. Просто поднял — ладонью вперёд, растопырив пальцы, как будто говорил: «Стой. погоди. Не исчезай в этой двери, как будто ничего не было».

Она подняла руку в ответ. И почему-то у неё защипало в глазах.

Потом развернулась и вошла внутрь.

В комнате общежития было тихо и пахло чужими духами соседок по комнате, которые уже спали. Кто-то оставил на столе кружку с недопитым чаем — пуэр, тёплый, земляной

запах. Ли Цзин не стала включать свет. На цыпочках прошла к своей кровати, скинула кроссовки, села на край матраса — всё ещё в его куртке.

Обхватила себя за плечи и закрыла глаза.

Облака скрыли звёзды, но не скрыли того, как дрожит его голос, когда он говорит об отце. Она прокрутила в голове каждое его слово — «я не хочу их забывать» — и почувствовала, как к горлу подступает ком.

Она достала телефон. Нашла его контакт — аватарка всё та же, тёмная, без лица, просто силуэт. «Как он сам», — подумала она. Открыла чат. У них было три сообщения за всю историю: «Привет», «Доброе утро» и «Скинь домашку по матанализу». Короткие, сухие, ничего не значащие.

Она написала:

«Орион виден в северном полушарии с ноября по февраль. У нас ещё есть время».

Нажала «отправить». Положила телефон на тумбочку экраном вниз — чтобы не видеть, как он прочитает. Чтобы не ждать ответа каждую секунду, не вглядываться в экран с надеждой и страхом.

Ответ пришёл через минуту.

«Знаю. В следующий раз поедем раньше. И возьмём термос».

Она улыбнулась в темноту. Улыбнулась так широко, что заныли скулы, хотя никто этого не видел. Стянула его куртку — но не убрала в шкаф и не бросила на стул, а положила

рядом с подушкой, свернув аккуратно, чтобы пахло. Чтобы помнить. Чтобы во сне чувствовать этот запах и думать, что он рядом.

За окном всё ещё было облачно. Но где-то там, за этой серой, непробиваемой пеленой, существовал Орион. Охотник, который никогда не сдаётся. Который поднимает лук даже тогда, когда не видит цели.

И радио, которое он выключил, чтобы не заглушать тишину.

И рука на рычаге передач. Всего на секунду.

Но этой секунды хватило, чтобы понять: она будет писать ему. Будет ждать. Будет ездить на холмы, даже если облачно, даже если звёзд не видно.

Потому что иногда то, что скрыто, важнее того, что видно.

Глава 5. Погрешность в моих расчётах

Лаборатория вычислительной физики, 00:47

Университет Цинхуа, Пекин

Охранник в синей униформе долго смотрит на пропуск, потом на лицо Чэнь Юя, и в его глазах мелькает что-то похожее на усталую жалость. «Опять забыл, да?» — спрашивает он, но Чэнь Юй лишь вежливо улыбается и кивает на пустой коридор за своей спиной. Он не забыл телефон. Телефон лежит в кармане куртки, вибрируя от уведомлений, которые он отключил три часа назад. Он остался после закрытия потому, что Ли Цзин сейчас в лаборатории одна, и

потому что завтра — нет, сегодня уже вторник — срок сдачи их курсового проекта по моделированию квантовых флуктуаций в неоднородных средах.

Охранник вздыхает, щёлкает своим старым ключ-картой и говорит: «Десять минут, Чэнь Юй. Потом я ставлю сигнализацию». Чэнь Юй благодарит его тем ровным, лишённым эмоций тоном, который все однокурсники называют «режимом расчёта», и проходит внутрь, зная, что охранник не проверит. Никто никогда не проверяет. Люди видят его аккуратное лицо, строгую чёлку, очки в тонкой оправе и почему-то решают, что такой не способен на обман. Это его главное преимущество.

Коридоры вымерли. Эхо собственных шагов кажется чужим. Чэнь Юй идёт быстро, но без суеты — так ходят люди, которые знают, что время всего лишь ещё одна переменная, которую можно оптимизировать. Третий этаж, крыло Б, дверь с табличкой «Лаборатория № 7. Доступ ограничен». Код он помнит наизусть, хотя официально его допустили только доступа к вычислительным мощностям, а не после полуночи. Ручка поддаётся с мягким щелчком.

Свет внутри горит только над рабочим столом Ли Цзин. Остальная лаборатория утопает в синеватом полумраке — мониторы спят, проекторы выключены, на досках замерли белые формулы, похожие на созвездия, которые кто-то забыл стереть. Сама Ли Цзин сидит спиной к двери, склонившись над ноутбуком, и Чэнь Юй на секунду замирает на по-

роге, позволяя себе то, что никогда не позволил бы при свете дня: просто смотреть.

У неё красивая линия плеч. Он заметил это в первый день их знакомства, когда она вошла в аудиторию, неся стопку книг, и кто-то окликнул её, а она обернулась — и этот плавный, почти текучий поворот заставил его на долю секунды потерять нить собственного доклада. Сейчас её плечи напряжены. Она в старом свитере на размер больше — наверное, брала у старшей сестры, — и в волосах застряла синяя ручка. Чэнь Юй вдруг с острой ясностью понимает, что это, возможно, самая прекрасная вещь, которую он видел в своей жизни: женщина, забывшая вытащить ручку из волос, потому что уравнение седьмого порядка важнее.

— Ты обещал принести кофе, — говорит Ли Цзин, не оборачиваясь.

— Я принёс кофе.

Он ставит термос на край стола, стараясь не касаться её локтя. Двадцать три дня назад он коснулся её локтя случайно, когда они вместе наклонялись над распечаткой, и полсекунды его пальцы лежали на ткани её рукава. Он запомнил температуру. Ткань была тёплой от её тела. Он никогда никому об этом не расскажет.

— Ты вчера не спал, — говорит Ли Цзин, глядя в экран. Это не вопрос.

— Я оптимизировал алгоритм интерполяции для блока граничных условий. — Он садится на соседний стул, отодви-

гаясь на расстояние, которое считает безопасным: 62 сантиметра. Он измерил взглядом. — Исходная реализация давала погрешность в третьем знаке на временных шагах больше ста. Я снизил до пятого знака.

— Ты поэтому не отвечал на сообщения?

Чэнь Юй молчит. Он видел её сообщение в 23:14. «Чэнь Юй, у меня не сходится шестой слой. Можешь посмотреть?» Он видел его через три минуты после отправки, и полчаса, и час, и два. Он не ответил не потому, что был занят. Он не ответил, потому что знал: ответить сейчас — значит признать, что он думает о ней даже тогда, когда должен думать об уравнениях. А он должен думать об уравнениях. Он обязан думать об уравнениях. Его стипендия, его научная работа, его будущее — всё держится на том, что он может контролировать свой разум с точностью, недоступной другим.

— У меня не сошлось, — повторяет Ли Цзин, и в её голосе проскальзывает что-то, похожее на обиду. Но она быстро берёт себя в руки. Она всегда быстро берёт себя в руки. — Я пересчитала трижды. На шестом слое расходимость. Погрешность растёт экспоненциально, и я не понимаю, где ошибка.

— Покажи.

Он пододвигается ближе, теперь между ними 40 сантиметров. Это всё ещё безопасная дистанция. Он проверил. В прошлую среду они сидели в читальном зале, и она наклонилась к нему, чтобы что-то спросить, и в какой-то момент её

колени коснулось его колена под столом. Он не отодвинулся. Она тоже. Четыре секунды. Потом она отвела взгляд, и он вернулся к конспекту, но весь оставшийся вечер его левое бедро помнило тепло через две ткани: его джинсы, её тонкие брюки. Он сделал тогда три ошибки в простейших расчётах. Три ошибки. Он, который никогда не ошибался в простейших расчётах.

Ли Цзин разворачивает ноутбук к нему. На экране — сетка параметров, десятки столбцов чисел, и в самом конце, на шестом временном слое, аномалия, которую Чэнь Юй видит сразу же. Но он не говорит «я вижу». Он смотрит дольше, чем нужно, потому что, если он сейчас покажет решение, они оба поймут, что он шёл сюда уже с готовым ответом. А это слишком близко к признанию.

— Попробуй заменить аппроксимацию на противопотоковую схему, — говорит он, наконец. — Твоя точность падает из-за осцилляций на разрывах. Градиент плотности слишком крутой для центральных разностей.

— Я пробовала. — Она хмурится, и между бровей появляется вертикальная складка, которую Чэнь Юй запомнил навсегда в тот день, когда она спорила с профессором Чэнем о корректности постановки краевой задачи. — Пробовала. С противопотоковой схемой сходимость вообще пропадает после пятого слоя.

— Значит, проблема в шаблоне. Дай-ка.

Он протягивает руку к мышке, и его пальцы почти каса-

ются её пальцев. Почти. Между ними остаётся меньше миллиметра — зазор, в который мог бы пройти лист бумаги, но не больше. Он не отводит руку. Она тоже. Три удара сердца. Потом Ли Цзин отодвигается сама, делает вид, что поправляет волосы, и синяя ручка падает на стол с сухим стуком.

— Извини, — говорит она.

— За что?

— Не знаю. Просто извини.

Она смотрит на экран, но Чэнь Юй видит, что она не читает цифры. Её глаза перебирают строки механически, без осмысления. Он знает этот взгляд. Это взгляд человека, который пытается спрятаться в работе от того, что происходит внутри. Он сам так делает. Каждый день.

— Я перепишу шаблон, — говорит он. — Сделаем гибридную схему: в гладких областях центральные разности, на разрывах — противопотоковая с автоматическим переключением. Погрешность должна упасть до шестого знака.

— Это увеличит время счёта на тридцать процентов.

— У нас есть четыре дня. Тридцать процентов — допустимая погрешность.

Она усмехается. Коротко, почти беззвучно, но уголок её губ поднимается вверх, и Чэнь Юй чувствует это движение как удар в солнечное сплетение. Он видел её улыбку сто тридцать семь раз. Он считал. Сто тридцать семь раз за сорок дней, которые они работают вместе. Три из этих улыбок были адресованы ему по-настоящему — не вежливо, не сквозь

зубы, а полной, открытой улыбкой, от которой у неё в уголках глаз собираются крошечные морщинки. Каждый раз он терял нить мысли. Каждый раз ему требовалось в среднем двенадцать секунд, чтобы восстановить концентрацию.

— Ты всегда всё сводишь к погрешностям, да? — спрашивает она.

— Это моя работа.

— А кроме работы?

Чэнь Юй замирает. Вопрос висит между ними, такой же плотный, как ночной воздух в лаборатории. Он мог бы ответить «да». Он мог бы ответить «нет». Он мог бы пошутить, перевести всё в шутку, сказать что-то про бесконечность и про то, что погрешность неизбежна во всех измерениях, кроме математических. Но он молчит. Потому что внутри него сейчас борьба — не на жизнь, а на смерть — между человеком, который хочет сказать правду, и физиком, который знает, что правда разрушит систему.

Он — тот, кто никогда не ошибается в расчётах. Но сорок дней назад он совершил самую большую ошибку в своей жизни: он согласился на этот совместный проект. Он знал, чем это кончится. Он всё знал заранее. Он просчитал траекторию, вероятности, все возможные исходы. И пошёл на это, понимая, что его личная погрешность на третьем знаке после запятой — там, где кончается наука и начинается живое чувство, — достигнет катастрофических величин.

— У нас есть уравнение, — говорит он наконец. — Давай

сначала доделаем уравнение.

Ли Цзин кивает. Но она не смотрит на экран. Она смотрит на его профиль — строгий, почти хирургически точный, с тонкими губами и длинными ресницами, которые выдают его с головой, потому что у рациональных мальчиков не бывает таких ресниц.

— Чэнь Юй, — тихо говорит она.

— Мм?

— Ты знаешь, что у тебя седой волос?

Он машинально подносит руку к виску. Она касается его запястья — легко, почти невесомо, — чтобы остановить.

— Не здесь. Вот здесь.

И её пальцы скользят в его волосы, находят тот самый волос, о котором она говорит, и Чэнь Юй перестаёт дышать. Это простое прикосновение — подушечка указательного пальца к его коже, лёгкое натяжение, когда она выдёргивает седину, — длится не больше двух секунд. Но за эти две секунды мир вокруг теряет все свои координаты. Лаборатория исчезает. Доски с формулами превращаются в серое море. Остаётся только тепло её пальцев на его виске и запах — тот самый запах, который он чувствует каждый раз, когда она проходит мимо: зелёный чай, бумага и что-то ещё, неуловимое, как высшие гармоники в спектре.

— Вот, — говорит она, протягивая ему короткий седой волос. — Теперь ты официально старый.

Он забирает волос. Прячет в карман, не глядя. Ей не нуж-

но знать, что он сохранит его. Ей не нужно знать много чего.

— Спасибо, — говорит он. Голос звучит ровно — как всегда. Только сам Чэнь Юй знает, чего ему стоило это «спасибо».

Они снова утыкаются в экраны. Час проходит в молчании, нарушаемом только щёлканьем клавиш и иногда — тихими комментариями. «Третья строка, второй столбец, пересчитай». «Проверь сходимость на сорок пятом шаге». «Нет, не так, смотри».

Он пишет новый шаблон на своём ноутбуке, она — пересчитывает граничные условия. Они работают как единый механизм, как два процессора, синхронизированные до микро-секунды. И в этом есть своя интимность, о которой никто из них не говорит вслух. Быть так синхронным с другим человеком, ловить его мысль до того, как она оформлена в слова, — разве это не форма любви? Чэнь Юй думает, что да. Но он никогда не произнесёт этого вслух, потому что слова делают вещи окончательными, а он не готов к окончательности.

Второй час. Третий. За окном лаборатории луна смещается к западу, и синий полумрак становится гуще. У Ли Цзин начинают слипаться глаза — она трёт их кулаком, как маленькая девочка, и Чэнь Юй с трудом удерживается от того, чтобы не сказать «ложись спать». Он не имеет на это права. Он вообще ни на что не имеет права, кроме совместной работы.

— Проверь аппроксимацию на границе пятого слоя, —

просит она.

Он наклоняется к её ноутбуку. Она сидит слишком близко — или это он сидит слишком близко? Расстояние сократилось до двадцати сантиметров. Потом до пятнадцати. Он водит мышкой, выделяя блок ячеек, объясняет, что именно нужно поправить, и его голос становится тише, потому что она перестала слушать. Он чувствует это по её дыханию. Оно изменилось. Стало глубже, прерывистее.

— ...поэтому, если заменить разностную схему на неявную, то... — Он оборачивается, чтобы посмотреть, поняла ли она.

И замирает.

Их лица разделяют четыре дюйма. Десять сантиметров. Расстояние, на котором заканчиваются все формулы, все рассчитанные траектории, все вероятностные распределения. На этом расстоянии человек перестаёт быть объектом научного наблюдения и становится просто человеком — с веснушками на переносице (он и не знал, что у неё есть веснушки, она скрывает их тональным кремом), с родинкой над верхней губой (он видел её раньше, но только сейчас понял, что она напоминает ему звёзды во Вселенной — маленькие и горячие), с глазами, которые сейчас смотрят на него не как на коллегу, не как на научного руководителя, а совсем иначе.

Он чувствует её дыхание на своей щеке.

Тёплое. Неровное. С лёгким привкусом мяты — она жевала жвачку после ужина.

Чэнь Юй знает, что должен отодвинуться. У него есть сорок три причины отодвинуться, и все они записаны в его голове, пронумерованы и каталогизированы. Причина первая: они в закрытой лаборатории после полуночи. Причина вторая: она младше на курс. Причина третья: их научный руководитель не одобряет личные отношения в проектной группе. Причина четвёртая: он не умеет быть нежным. Причина пятая: он боится.

Но он не отодвигается. Потому что его взгляд упал на её губы. Просто упал. Как астероид, который тысячелетия летел сквозь пустоту, чтобы наконец встретиться с планетой. Его взгляд не слушается его. Он хочет закрыть глаза, но не может. Он хочет посмотреть в сторону, но каждое движение мускулов заблокировано чем-то, что сильнее воли.

Он видит, как её губы приоткрываются. Просто на долю миллиметра, но он замечает это, потому что он замечает всё. Она не отводит взгляд. Она смотрит в ответ, и в её глазах — Чэнь Юй никогда не видел такого выражения у неё раньше — смесь страха и чего-то огромного, почти космического.

«Сейчас, — думает он. — Сейчас, если я наклонюсь на два сантиметра, если я просто позволю себе сделать одно движение...»

— Чэнь Юй, — шепчет она.

Её голос ломается на последнем звуке. Не потому, что она плачет. Потому, что она называет его по имени — не «Чэнь Юй, посмотри код», не «Чэнь Юй, дай ручку», а просто «Чэ-

нь Юй». Как будто это имя — самое главное, что есть в мире.

И этот сломанный звук действует на него как холодный душ.

— Я знаю, — отвечает он.

Его голос — каменный. Он сам не узнаёт его. Чэнь Юй смотрит в её глаза ещё секунду — запоминает цвет, форму зрачков, крошечное отражение лампы в роговице. Потом он делает то, ради чего пришёл сюда на самом деле: он отодвигается.

Он отодвигается медленно, как танкер, который разворачивается в открытом море. Сначала откидывается на спинку стула. Потом отодвигает стул на десять сантиметров. Потом встаёт.

— Что ты делаешь? — тихо спрашивает Ли Цзин.

— Я должен проверить вывод формулы на доске. — Он говорит это так, будто ничего не случилось. Будто секунду назад их лица не разделял один прерывистый вздох.

Он подходит к белой доске, берёт маркер и начинает писать. Его рука не дрожит. Это важно. Если рука не дрожит, значит, контроль сохранён. Значит, он может делать вид, что ничего не произошло.

Он пишет уравнения. Одно за другим. Потокосые функции. Якобианы. Градиенты. Он пишет красивым, каллиграфическим почерком, который выработывал все школьные годы. Он пишет так, будто от этого зависит его жизнь.

На самом деле от этого зависит его жизнь.

Ли Цзин смотрит на его спину. На то, как напряжены его плечи под тонкой футболкой. На то, как побелели костяшки пальцев, сжимающие маркер. И она понимает.

Она понимает всё.

Она понимает, что он не поцеловал её не потому, что не хотел. Он хотел. Она видела это в его глазах, в том, как изменилось его дыхание, в том, как его зрачки расширились, когда он смотрел на её губы. Он хотел так сильно, что это почти превратилось в физическую боль — и она чувствовала это сквозь десять сантиметров воздуха.

Он не поцеловал её потому, что знал.

Один поцелуй уничтожит всю ту осторожную хрупкость, которую они строили сорок дней. Сорок дней взглядов, которых он якобы не замечал. Сорок дней случайных касаний, которых он якобы не чувствовал. Сорок дней кофе на двоих, который он якобы приносил для всех.

Он боится. Не её — себя. Своей способности разрушать. Своей привычки анализировать всё до последнего атома, а потом понимать, что анализ убил то, что пытался понять.

Он стоит спиной к ней — прямой, собранный, почти агрессивно спокойный — и пишет формулы. И Ли Цзин вдруг с острой, почти болезненной ясностью видит, какой он пустой внутри. Не в том смысле, что в нём нет чувств. А в том, что он заполнил себя уравнениями, графиками, расчётами, потому что боится оставить место для чего-то, что нельзя просчитать.

Она не окликает его. Не встаёт. Не подходит.

Она просто сидит и смотрит на его спину, и в какой-то момент замечает, что пишет он не ту формулу. Он вывел условие устойчивости Куранта — Фридрихса — Леви для явных разностных схем. Совершенно не связанное с их задачей. Это просто набор символов, которым он заполняет тишину, потому что если он перестанет писать, то повернётся, и тогда...

И тогда уже ничего не остановить.

— Чэнь Юй, — говорит она снова. Тише, чем в первый раз.

Он замирает. Маркер застывает на середине штриха, оставляя жирную точку.

— Что? — Он не оборачивается.

— Там, где ты написал шаг по времени... — Она встаёт со стула. Медленно. Позволяя ему услышать каждый её шаг. — Должно быть условие второго порядка.

— Какое?

— Ты знаешь какое.

Она подходит к доске. Останавливается в полуметре от него. Теперь они снова стоят близко — спиной к стене, лицом к белым символам, которые ничего не значат. Она протягивает руку, берёт другой маркер — красный — и подходит к уравнению, которое он написал ошибшись.

— Вот здесь, — говорит она, и её голос спокоен, как поверхность озера. — Вместо dt и dx должно быть...

Она пишет красным поверху его чёрного. Их руки почти касаются. Он слышит, как она дышит — глубоко, ровно, но она специально дышит так. Контролирует себя. Как и он.

— ...вот так, — заканчивает она.

Они замирают оба — перед доской, на которой вперемешку чёрные и красные символы. Похоже на код, который взломал сам себя. Похоже на признание, которое не было произнесено вслух.

— Ли Цзин, — говорит Чэнь Юй. Он смотрит на её правку, не на неё.

— Мм?

— Ты уверена, что мы делаем правильно?

Она молчит. Молчание длится пять секунд, десять, пятнадцать. Наконец она отступает на шаг. Потом ещё на шаг. Потом идёт к столу, выключает ноутбук и начинает собирать вещи.

— Курсовую сдадим вовремя, — говорит она. — Не волнуйся.

— Я не о курсовой.

Она застёгивает молнию на рюкзаке, закидывает его на плечо и только потом поворачивается к нему. В её глазах нет обиды. Нет слёз. Нет разочарования. Только что-то тёплое и бесконечно терпеливое — как свет далёкой звезды, который идёт до Земли миллионы лет, но всё равно доходит.

— Я знаю, Чэнь Юй, — говорит она. Точно теми же словами, которые он сказал ей минуту назад. — Я тоже знаю.

Она выходит из лаборатории. Её шаги затихают в коридоре. А Чэнь Юй остаётся стоять перед доской, с маркером в руке, глядя на красные исправления, которые она оставила в его уравнении.

Он не стирает их. Никогда не сотрёт.

В одиночестве лаборатории, под синим светом мониторов, Чэнь Юй медленно опускается на стул — тот самый, на котором она сидела ещё минуту назад. Стул хранит тепло её тела. Он чувствует его сквозь джинсы. Это последняя погрешность, которую он позволит себе сегодня.

Потому что завтра они снова встретятся. И снова будут сидеть рядом. И снова он будет смотреть на её губы, отводить взгляд и писать формулы, которые не имеют никакого отношения к тому, что происходит между ними.

Он будет делать это пятьдесят дней. Сто. Пятьсот. Пока однажды не поймёт, что самая большая ошибка в его жизни — это не любовь к Ли Цзин. А то, что он пытался просчитать её как уравнение.

Но любовь не имеет погрешности.

Любовь — это сама погрешность в третьем знаке.

Та, что делает расчёты неточными, а жизнь — настоящей.

Он кладёт голову на стол, вдыхает запах её шампуня, оставшийся на подлокотнике, и закрывает глаза.

Сегодня он не поцеловал её.

Но завтра... он сделает так, чтобы её пятая строка, второй

столбец, граничное условие — всё, что угодно — снова потребовало его проверки.

И снова их лица окажутся слишком близко.

И снова он будет смотреть на её губы.

И однажды он не отодвинется.

Чэнь Юй не знает, когда это произойдёт. Он физик, он не умеет предсказывать даты сердечных катаклизмов. Но он знает, каково уравнение их общей траектории. И знает, что решение существует.

Нужно только перестать бояться погрешности.

Лаборатория вычислительной физики, 03:21

Университет Цинхуа, Пекин

Охранник находит его через два часа. Спит, уткнувшись лицом в чужой свитер, который Ли Цзин забыла на стуле. Чэнь Юй спит сном человека, который, наконец, позволил себе маленькую, почти незаметную ошибку в расчётах.

Охранник вздыхает, накрывает его курткой и тихо закрывает дверь.

«Молодёжь», — бормочет он в пустоту коридора.

Но в его голосе нет осуждения.

Только что-то похожее на давно забытую нежность.

Глава 6. Музыка метро

1.

В семь сорок пять утра Чэнь Юй уже стоял на платформе станции «Наньлогусян», вжимаясь плечом в холодную колонну. Рюкзак с ноутбуком тянул позвоночник вниз, к асфальту, но он не позволял себе сутулиться — профессор Линь говорил, что осанка выдает в человеке больше, чем резюме. Сегодня они с Ли Цзин ехали на межвузовскую конференцию в университетский городок на другом конце города.

Он заметил её за минуту до того, как она подошла.

Сначала — красно-белый краешек шарфа, выбившийся из-под ворота пальто. Потом — серебряная застежка на лямке рюкзака. И наконец — она сама: запыхавшаяся, разруганная от быстрой ходьбы, с пряжкой ремня, съехавшей набок.

— Проспала, — выдохнула Ли Цзин, останавливаясь перед ним. Её дыхание облачком таяло в утреннем воздухе. — Третью неделю подряд я клянусь себе лечь до двенадцати, и третью неделю подряд...

— Можешь не объяснять. — Чэнь Юй кивнул на приближающийся поезд. — У тебя под глазами китайская стена.

Она хотела обидеться, но вместо этого улыбнулась краешком губ — той улыбкой, которую он научился читать за последние месяцы. Она значила: *«Ты меня заметил. Спасибо»*.

Двери открылись. Идиллия кончилась.

2.

Час пик на кольцевой линии — это не транспортная проблема. Это философская категория. Чэнь Юй читал однажды статью, где плотность пассажиров в пекинском метро сравнивали с плотностью молекул в водородной бомбе. Тогда он подумал, что автор преувеличивает.

Сейчас он знал: автор был оптимистом.

Их вдавило внутрь третьей волной. Кто-то наступил Ли Цзин на ногу, кто-то больно ткнул Чэнь Юя локтем в ребро. Рюкзак зажило между чужих спин, и на секунду он испугался, что его раздавит, как консервную банку. Но страшнее было другое.

Когда поезд дернулся, Ли Цзин потеряла равновесие. И он, не думая, поймал её за талию.

За талию.

Ткань пальто под его ладонями была холодной снаружи и хранила её тепло внутри. Он ощутил, как под его пальцами напряглись мышцы — на миллисекунду, прежде чем она расслабилась. Поезд качнуло снова, и их окончательно смешали с толпой: она — спиной к его груди, её затылок — почти под его подбородком, её лопатки — в миллиметре от его сердца.

Он замер.

Его руки висели в воздухе, не зная, куда деться. Опустить на поручни? Нет, поручни заняты. На её плечи? Слишком интимно. На собственную сумку? Она на полу, задавленная

чужими ногами.

И тогда поезд снова дернулся.

Его ладони легли на поручни над её головой — так, чтобы создать ей хоть иллюзию пространства. Со стороны это выглядело так, будто он обнимает её. Со стороны старой женщины, сидевшей напротив и смотревшей на них с умильной улыбкой, это выглядело как сцена из драмы.

Чэнь Юй покраснел до корней волос.

Он смотрел строго вперед — в затылок мужчины в синем пуховике, который что-то яростно печатал в телефоне, — и чувствовал, как тепло её тела просачивается сквозь два слоя одежды прямо в его грудную клетку.

«Сосчитай до ста», — приказал он себе. — «Думай о конференции. О докладе. О погрешности в третьем знаке — чёрт возьми, при чем тут погрешность, когда её макушка пахнет яблоками?»

Запах был едва уловим — шампунь, дешевый и свежий, какой продают в «Миньсо» за тридцать юаней. Но для Чэнь Юя он звучал громче объявления следующей станции.

«Гулоу».

Ли Цзин не двигалась. Не отстранялась. Она стояла так же неподвижно, как и он, и единственным доказательством того, что она жива, была тонкая нить её дыхания, которую он чувствовал затылком — нет, не затылком, он стоял за ней, так что он чувствовал... он чувствовал, как поднимается и опускается её грудная клетка.

Каждый вдох отдавался в нём, как удар гонга.

И тогда случилось непростительное.

Поезд качнуло на стрелке — там, где старые рельсы переходили в новые и состав всегда закладывало чуть круче обычного. Чэнь Юй потерял равновесие. Его подбородок — на секунду, всего на одно бесконечное мгновение — опустился на её макушку.

Волосы. Шёлк. Тепло.

Он отдёрнул голову так резко, что хрустнуло в шее, и впечатался затылком в стекло напротив. Боль была отрезвляющей — и совершенно бесполезной. Уже поздно. Соприкосновение случилось. Атомы их тел на мгновение смешались, и теперь никакой силой было не вычислить, где кончался он и начиналась она.

Она не обернулась.

Но её левое ухо — то, которое было ближе к нему, — стало розовым. Сначала кончик. Потом мочка. Потом вся раковина, прозрачная на просвет, как лепесток сакуры.

Чэнь Юй смотрел на это ухо и понимал, что проиграл битву, которую даже не осознавал.

3.

Ли Цзин не спала почти восемь часов. Точнее, спала, но плохо — ей снился голос, которого она не могла вспомнить утром, только ощущение: низкий, спокойный, говоривший что-то важное на языке, которого она не понимала. И вот теперь этот голос материализовался в тепло на затылке.

Она знала, что это Чэнь Юй. Она знала это по тому, как его ладони замерли над её плечами, прежде чем отправиться на поручни. Она знала это по дыханию — ровному, нарочито спокойному, которое сбивалось каждый раз, когда поезд нырял в тоннель.

И ещё она знала это потому, что её сердце билось так громко, что, наверное, слышно было в соседнем вагоне.

«Не оборачивайся», — приказала она себе. — «Если обернешься, он увидит твои глаза. А в них — всё».

Она боялась, что в её взгляде — вся правда. Та, которую она прятала за тридцатью страницами курсовых, за восемью чашками чая в университетской столовой, за равнодушным «да» в ответ на его «как дела». Она боялась, что он прочтает её, как открытую книгу, и навсегда исчезнет — испугается, отступит, спрячется за своей вежливой улыбкой.

Поэтому она смотрела прямо перед собой — на пластиковую рекламу стоматологической клиники, где женщина с идеальными зубами улыбалась идеальной улыбкой. «Здоровье улыбки начинается с нас», — гласил слоган.

«Если бы ты знала», — подумала Ли Цзин. — «Моей улыбке сейчас нужен не стоматолог, а скорая помощь» .

В её наушниках играла песня.

Она забыла поставить её на паузу, когда заходила в метро, и теперь музыка текла прямо в её кровь через тонкие белые провода. Это была старая композиция — «Путь домой» Чжоу Юня, запись десятилетней давности, когда голос пев-

да ещё не был идеально выверенным, а был живым и чуть хриплым на высоких нотах.

Она слушала её на повторе уже три дня. С тех пор, как Чэнь Юй случайно процитировал её в разговоре — процитировал не вслух, нет, он просто сказал на кафедре: *«Сегодня ветер как в той песне, ты не находишь?»* — и она поняла, что он тоже её слышал. Что в его плейлисте был тот самый трек. Что где-то в его жизни была ночь, когда он лежал в наушниках и смотрел в потолок под этот же самый голос.

Они были связаны. Нитью в три с половиной минуты.

Теперь эта нить пульсировала у неё в ушах, пока его тепло прожигало дыру в её спине.

«Достань один наушник», — сказал внутренний голос. Маленький, нахальный, тот самый, который в прошлом году заставил её подать заявку на стажировку, где она встретила Чэнь Юя. — *«Протяни ему. Скажи “послушай”. Ты же хочешь, чтобы он услышал то же, что и ты?»*

Она не хотела. Она боялась.

«Трусиха», — усмехнулся внутренний голос.

И Ли Цзин, сама не зная как, вынула левый наушник.

Её рука дрогнула. Провод запутался в шарфе. Наушник выскользнул и повис на ниточке, раскачиваясь перед ней, как маятник. Она поймала его и зажала в кулаке, чувствуя, как внутри вибрирует музыка — приглушенно, неразборчиво, но всё же.

Она подняла руку. Медленно. Почти молитвенно.

И протянула наушник назад — через плечо, не глядя.

4.

Чэнь Юй смотрел на бледную ладонь, возникшую из ниоткуда, и не сразу понял, что ему делать. Белый провод, витой, как спираль ДНК, свисал между её пальцев. На конце поблескивал пластиковый наушник — дешёвый, поцарапанный, тот, что идут в комплекте к телефону, а не эти модные беспроводные «яблоки».

Он взял его.

Их пальцы соприкоснулись. Её — холодные, его — горячие. Контакт длился долю секунды, но Чэнь Юю показалось, что его ударило током. Не тем, что убивает, а тем, от которого волосы встают дыбом и хочется кричать — от восторга, от ужаса, от невозможности этого мгновения.

Он вставил наушник в ухо.

И мир перестал существовать.

Голос Чжоу Юня был низким и чуть хриплым — не идеальным, не студийным, а живым. Он пел о том, как осенний дождь смывает следы на асфальте, и о том, как человек идёт домой, зная, что дома его никто не ждёт. Грустная песня. Совершенно не подходящая для утра, для метро, для часа пик.

Идеальная.

Чэнь Юй слушал, и ему казалось, что он слышит не только музыку. Он слышал её. Ли Цзин. Он слышал, как её сердце отбивает ритм поверх басов. Он слышал, как её дыхание сбивается на припеве — там, где певец тянет высокую ноту,

почти срываясь на крик. Он слышал всё, что она не могла сказать словами.

Потому что слова были лишними.

Песня кончилась. Наступила пауза в три секунды — тишина, в которой Чэнь Юй слышал только скрежет колёс и чужой разговор где-то слева. Потом плейлист переключился на следующую композицию, другую, незнакомую. Но правда уже была сказана.

Он вынул наушник и вернул её.

Она взяла, всё так же не глядя. Их пальцы снова встретились — теперь дольше, осознаннее. И он, не удержавшись, сказал тихо — так, чтобы слышала только она:

— У неё голос как у тебя.

Она замерла.

— У певицы. — Он запнулся. Потом поправился: — У певца. У него голос... у него голос такой же хриплый на высоких нотах. Как у тебя, когда ты злишься. Или когда ты... — Он не договорил.

Она не обернулась. Но её левое ухо из розового стало пунцовым.

— Он поёт о том, — добавил Чэнь Юй уже тише, — как боится, что его не заметят. Как будто он призрак в переполненной комнате. Ты поэтому слушаешь эту песню?

Молчание.

Поезд объявил станцию «Синьцзекоу». Двери открылись, выпуская поток воздуха. Кто-то протиснулся мимо, задел

Чэнь Юя сумкой, но он не пошевелился.

И тогда Ли Цзин сделала то, чего он боялся и ждал одновременно.

Она повернула голову. Не резко, не театрально — так, словно у неё затекла шея и ей просто нужно было сменить положение. Но в этом «просто» было всё.

Их взгляды встретились.

Её глаза были влажными. Не от слез — от того особенного света, который появляется, когда кто-то называет твой голос красивым, не говоря этого прямо. В её зрачках отражались лампы вагона, чужие спины, реклама стоматологии — и он. Только он. Маленький Чэнь Юй, стоящий у неё за спиной с дурацким рюкзаком и сердцем, которое выпрыгивало из груди.

Она сказала всего три слова:

— Я поняла, спасибо.

Он не понял. Или понял всё.

5.

Оставшиеся двадцать минут они ехали молча. Наушник снова был в её ухе, но музыка не играла — она просто носила его, как оправдание. Как мост между ними, который не нужно было переходить, достаточно было знать, что он существует.

Чэнь Юй так и стоял за её спиной — руки на поручнях, грудь в сантиметре от её лопаток — и чувствовал себя самым везучим человеком на этой линии. Он не касался её. Он не

говорил красивых слов. Он даже не знал, что будет через час, когда они выйдут из метро и пойдут в аудиторию номер 407, где их ждали доклады и кофе-брейк и сотня чужих лиц.

Но сейчас — в этой жестянке, мчащейся под землей, — у него было всё.

Иногда пассажиры смотрели на них: парень, девушка, почти обнимающиеся в толпе. Кто-то улыбался, кто-то отводил глаза. Одна женщина средних лет сказала в слух: «Смотри, какие молодые. А наш уже пятнадцать лет не обнимал меня в метро». Её муж что-то буркнул в ответ, и женщина засмеялась.

Чэнь Юй вдруг подумал: а они когда-нибудь состарятся? Будут ли они через пятнадцать лет ездить в этом же метро, в этот же час пик, и вспоминать сегодняшнее утро?

Он хотел бы.

Он очень хотел бы.

6.

На платформе станции «Юаньминъюань» они вышли последними. Двери закрылись за их спинами с мягким шипением, и Ли Цзин наконец повернулась к нему лицом. Не бочком, не вполборота, а полностью. Как человек, который больше не прячется.

— Чэнь Юй, — сказала она.

— Да.

— У тебя рюкзак расстегнут.

Он обернулся. Молния на боковом кармане действитель-

но разошлась на два сантиметра, и оттуда выглядывал уголок его запасной флешки.

— Спасибо, — сказал он, застегивая.

Она кивнула и пошла вперед — быстрым шагом, почти бегом, потому что конференция начиналась через пятнадцать минут. Он догнал её на эскалаторе. Они стояли рядом — не касаясь, но так близко, что их дыхания смешивались.

Она смотрела прямо перед собой. Он смотрел на неё.

Свет ламп падал на её лицо золотыми полосами, и Чэнь Юй думал: если бы кто-то спросил его сейчас, как выглядит любовь, он бы просто показал на неё. На её замерзший кончик носа. На пряжку ремня, которая так и осталась съехавшей набок. На её пальцы, которые наматывали провод наушника на указательный палец — нервно, быстро, как будто она играла на невидимой гитаре.

Они вышли на улицу. Холод ударил в лицо, и Ли Цзин чихнула.

— Будь здорова, — сказал он.

— Это от тебя, — ответила она. — Ты слишком горячий.

Перепад температур.

Не ясно, что она имела в виду. Но он улыбнулся — той самой улыбкой, которую она уже научилась читать.

«Ты мне нравишься», — говорила эта улыбка. «Я не скажу тебе этого сегодня. Может быть, не скажу и завтра. Но сейчас, в эту минуту, я хочу, чтобы ты знала».

Она посмотрела на него, прищурившись от ветра.

— Пошли, — сказала она. — А то опоздаем. И тогда профессор Линь нас убьет.

— Он не убьет, — возразил Чэнь Юй. — Он просто скажет, что наша погрешность в третьем знаке. И этого будет достаточно.

Она засмеялась — звонко, на весь пустынный выход из метро. Эхо разнесло её смех по бетонным стенам, по турникетам, по пыльным окнам касс.

И Чэнь Юй понял: этот смех он запомнит навсегда. Как ту песню. Как тепло её макушки под своим подбородком. Как наушник, переходящий из руки в руку — через грохот чужих жизней, через час пик, через всё то, что делало их маленькими и незащищенными перед лицом этого огромного безразличного города.

Метро продолжало грохотать под землей, перемалывая судьбы сотен тысяч людей. Кто-то ехал на работу. Кто-то — к любовнику. Кто-то — к ненавистной свекрови. Кто-то просто ехал, потому что надо.

А они стояли на выходе со станции «Юаньминьюань» — парень с расстегнутым рюкзаком и девушка с наушником в ухе, — и знали то, чего не знал никто вокруг.

В переполненном вагоне метро можно чувствовать себя совершенно одной. Или — совершенно не одной. Третьего не дано.

Они выбрали второе. Не вслух. Не подписывая договоров и не давая клятв. Просто — одним взглядом, неловким же-

стом и незавершенной фразой.

А иногда этого достаточно, чтобы выдержать любую погрешность.

Глава 7. Точка, в которой сходятся все линии

Ночная крыша общежития оказалась не тем романтичным местом, которое показывают в кино. Здесь пахло забытым здесь же чьим-то спортивным матом, старым рубероидом и — странным делом — корицей. Но когда Чэнь Юй наконец наладил телескоп — старый, с царапинами на трубе и заклеенной синей изолентой ножкой треноги — запахи исчезли.

Остались только звёзды.

Ли Цзин никогда раньше не видела их такими. В Шанхае, Сеуле, Токио — везде, где ей доводилось жить, небо было не глубже потолка. Световое загрязнение съедало космос, превращая его в ровную, безликую серость. Но здесь, на окраине, где университет граничил с заповедными холмами, Вселенная вдруг распахнулась.

Она стояла в двух шагах от телескопа, зажмурившись от неожиданности. Ветер играл с воротом её бежевого пальто, и где-то далеко, внизу, шуршала ночная жизнь кампуса — обрывки смеха, хлопок двери, звук мотоцикла, который сбрасывал скорость перед лежащим полицейским.

— Готова? — спросил Чэнь Юй.

Голос у него был спокойный, почти скучающий. Но Ли Цзин уже научилась слышать то, что скрывалось под его буд-

ничными интонациями: волнение. Лёгкое, как озноб.

— Да, — кивнула она. — Я никогда не смотрела на Луну в телескоп.

— Первый раз всё равно будет разочарованием, — предупредил он, отступая в сторону, уступая место у окуляра. — Она не такая, как на картинках. Серая. Сухая. Вся в шрамах.

— Тогда почему ты принёс его сюда?

Он помолчал. Достал из кармана куртки два одноразовых стаканчика с остывшим кофе — купил в автомате на первом этаже, пока она переодевалась. Сунул один ей в руки.

— Потому что шрамы тоже красивы, — сказал он. — Если знать, откуда они взялись.

Она наклонилась к окуляру и — да, он не солгал. Луна оказалась не той сияющей жемчужиной, что висела над городом в детских стихах. Это было другое лицо: мертвенно-бледное, исполосованное трещинами, с кратерами, которые походили на черепаший панцири. И в то же время оно дышало.

В прямом смысле. Потому что из-за дрожания воздуха Луна пульсировала, словно сердце.

— Вон тот, — Чэнь Юй протянул руку поверх её плеча — не касаясь, только указывая направление. — Видишь тёмный кружок у края моря Ясности?

— Море Ясности? — переспросила она, не отрываясь от окуляра.

— Романтики были те ещё, первые астрономы. Назвали

самые скучные места на свете океанами и заливами. Вот это — море Ясности. А кратер слева от него называется «Чанг-Э».

Ли Цзин выпрямилась. Посмотрела на него.

— Богиня Луны?

— Нет. Женщина по имени Ван Чжэнцзюнь, китайский астрофизик. Она была первой, кто рассчитал орбиту, по которой китайский зонд сел на обратную сторону Луны. В 2018-м. Ей тогда было восемьдесят семь. Они назвали кратер в её честь — потому что она работала в обсерватории, которая стояла на горе, и всю жизнь смотрела на эту маленькую трещину в лунной коре.

— И что она там увидела?

Он улыбнулся уголком рта. Эту улыбку она запомнила в тот самый первый раз, когда он посмотрел на неё в лаборатории поверх очков для защиты от лазера.

— Она увидела, что Луна не просто спутник. Что у неё есть душа — может быть, не в том смысле, какой вкладывают поэты, но в другом. Хаос и порядок, одновременно. Как в уравнениях, у которых много решений. Она выбрала одно. Самое красивое.

В этот момент у Ли Цзин в кармане завибрировал телефон. Экран вспыхнул, осветив имя, от которого у неё всегда холодели пальцы: «Мама».

— Извини, — сказала она Чэнь Юю. — Я должна отве-

тить.

Она отошла к парапету, туда, где ветер был сильнее и за-
глушал голос. Нажала кнопку приёма.

— Ты где? — голос матери был жёстким, как всегда. Без
«привет», без «как дела». Только вопрос.

— На крыше. С однокурсником.

— Поздно. Опасно. Ты помнишь, что через три месяца
экзамены?

— Помню.

— Ты помнишь, что твой отец...

— Помню, мама. — Ли Цзин перебила, хотя обычно не
перебивала. — Я помню всё. Каждый день.

В трубке повисла пауза. Мать не умела извиняться. Она
умела только напоминать. О правилах. О карьере. О том, что
чувства — это погрешность, которую нужно сводить к нулю.

— Будь осторожна, — сказала мать, наконец. И отключи-
лась.

Ли Цзин убрала телефон. Посмотрела на экран. Там была
фотография — она сама в шестнадцать лет, с первой преми-
ей по физике. Мать тогда улыбалась. Настоящей улыбкой, не
той дежурной, которую надевала на родительские собрания.

«Почему люди боятся слов?» — подумала Ли Цзин. —
«Почему мы говорим «будь осторожна», когда хотим сказать
«я боюсь за тебя»? Почему мы молчим, когда внутри — ура-
ган?»

Потому что её научили: слова — это слабость. Отец ушёл,

когда ей было десять. Он сказал матери слишком много слов — и все они оказались ложью. После этого в их доме поселилась тишина. Идеальная, выверенная тишина лаборатории. Где нет места для «я люблю» или «мне страшно». Есть только формулы. Только результаты. Только погрешность, которую можно рассчитать и исправить.

Но сейчас, стоя на этой крыше, с запахом корицы и старым телескопом, Ли Цзин вдруг поняла: она устала от тишины. Она хочет, чтобы Чэнь Юй сказал ей что-то. Всё равно что. Глупое. Романтичное. Неправильное. Что угодно — только не эти его выверенные фразы про шрамы и бесконечность.

Она вернулась к телескопу. Чэнь Юй стоял на том же месте, пил свой остывший кофе и смотрел на звёзды. Не на неё. На звёзды.

— Всё в порядке? — спросил он.

— Да, — солгала она. — Мама волнуется.

— Хорошая мама.

— Слишком хорошая, — усмехнулась Ли Цзин. — Она считает, что астрофизика — это безопасно. Звёзды далеко. Они не обидят. Не то что люди.

Чэнь Юй повернулся к ней. Впервые за этот вечер его лицо потеряло маску спокойствия.

— А ты так не считаешь?

— Я считаю, — сказала она, — что звёзды могут быть опаснее людей. Потому что они — напоминание. О том, как мы малы. Как всё, что мы любим, однажды исчезнет. Как

наши формулы — это просто попытка договориться со Вселенной. А она не договаривается. Она просто есть.

Он долго молчал. Потом кивнул куда-то в небо, где висела особенно яркая звезда.

— Видишь ту? Над холмами. Это Вега. А вон ту, чуть ниже и левее — Альтаир. В китайской мифологии это Пастух и Ткачиха. Их разделяет Небесная река — Млечный Путь. Им разрешают встречаться только раз в году. Седьмого дня седьмого месяца. Тогда сороки строят для них мост через реку.

— Грустная история, — сказала Ли Цзин.

— А я думаю — счастливая, — возразил Чэнь Юй. — У них хотя бы есть день. Один день в году. Они знают, что он будет. Что бы ни случилось, какими бы ни были расстояния — в этот день они увидят друг друга. Это больше, чем у большинства людей.

— У большинства людей есть каждый день.

— И поэтому они перестают ценить. Они думают, что завтра повторится. А завтра — может не повториться. Взрыв сверхновой. Астероид. Просто случайность. Вселенная не гарантирует нам завтра. Только сегодня. Только сейчас.

Он посмотрел на неё — и в этом взгляде было что-то, от чего у Ли Цзин перехватило дыхание. Не потому, что он был красивым (хотя да). А потому, что он был честным. До конца. До дна.

Она вдруг вспомнила лабораторию. Две недели назад.

Они сидели до полуночи, проверяя расчёты для модуля. Она что-то уронила — карандаш, наверное, или ручку. Наклонилась. Он наклонился одновременно — чтобы помочь. Их лица оказались в нескольких сантиметрах.

Она могла бы отодвинуться. Он мог бы отвернуться. Но они не сделали ни того, ни другого. Они просто смотрели друг на друга. Секунду. Две. Три.

В его глазах не было ни намёка, ни обещания, ни даже вопроса. Там было только: «Я здесь. Я вижу тебя. Я не уйду».

Она тогда сказала: «Извини», — и отодвинулась. Он кивнул и вернулся к расчётам. Никто из них не произнёс ни слова.

Но это было признание. Самое настоящее. То, которое не нуждается в звуках.

— Ты веришь, что мы построим этот лифт? — спросила она сейчас, на крыше, чтобы прервать молчание, которое стало слишком плотным.

Вопрос повис в воздухе, острый, как игла. Она говорила не просто о космическом лифте — о той дипломной работе, которую они вдвоём вели уже полгода. О расчётах, над которыми он сидел до трёх ночи, пока не начинало плыть перед глазами. О бортовых лекциях, где профессор Се сказал: «Технология существует. Вопрос в том, хватит ли у человечества смелости её использовать».

Чэнь Юй смотрел на Луну. Просто, без телескопа, как

смотрел на неё, наверное, его дед, когда был мальчишкой в деревне и бежал на рисовые поля, чтобы успеть загадать желание на падающую звезду.

— Я верю, — сказал он медленно, так, как говорят о вещах, в которых сомневаешься каждую секунду, но выбираешь веру сознательно, — что если кому-то и суждено — то нам с тобой.

Она не засмеялась. Не сказала: «Ты самонадеянный дурак» или «С чего ты взял?» — всё то, что говорят героини лирических мелодрам в таких сценах. Она просто стояла и смотрела на его профиль, подсвеченный далёким светом спящего города.

Ей показалось — или он действительно был красивее всех в этом мире? Не той плакатной красотой парней из рекламы лимонада, а другой: человеческой, неровной, с чёлкой, которая вечно падала на глаза, и с родинкой за ухом, которую она заметила только вчера, когда он наклонялся над её ноутбуком, чтобы вставить флешку.

«Если кому-то и суждено — то нам с тобой».

Она вдруг остро, до боли поняла, что это — самая правдивая фраза из всех, что он мог произнести. Не обещание, не клятва. Просто констатация факта. Как то, что вода мокрая, а свет движется быстрее всего на свете. Они встретились. Их траектории совпали. И это уже было чудом, по сравнению с которым космический лифт казался просто инженерной задачей.

Снизу снова донёлся звук шагов. Фонарик метнулся по стене. Чэнь Юй бросил взгляд на лестницу, потом на часы.

— Нам пора, — сказал он. — Но сначала...

Он не договорил. Вместо этого он протянул руку.

Или она протянула свою? Они сделали это одновременно.

Его ладонь легла на её ладонь. Пальцы к пальцам. Ни сжатия, ни нежности — только точное, ювелирное совпадение. Как если бы Вселенная наконец сложила две недостающие детали и замерла в удивлении: «Вот оно. Работает».

Они молчали.

Звёзды над ними не осыпались дождём, не взрывались сверхновыми. Всё было тихо. Где-то, за триста восемьдесят тысяч километров, падал метеорит в кратер Чанг-Э, и некому было это заснять. На обратной стороне Луны работал китайский ровер «Юйту-2», записывая сейсмические волны в файл, который никто не откроет до утра. В море Ясности ветра не было — потому что на Луне нет воздуха, а значит, нет и ветра.

Но здесь, на маленькой крыше, покрытой рубероидом и чьим-то спортивным матом, было тепло.

Теплее, чем следовало быть в октябре.

Чэнь Юй не поцеловал её. Он не обнял, не прошептал на ухо слова, от которых у неё закружилась бы голова. Он просто остался там, где был — с её ладонью под своей, и они смотрели на звёзды так, будто ничего важнее в этот момент

не существовало.

И это было больше, чем поцелуй.

Потому что поцелуй можно украсть, забыть, повторить. А такое прикосновение — когда пальцы соприкасаются ровно в тех точках, где проходят линии жизни, ума и сердца — случается раз в сто тысяч лет. Как точная орбита для космического лифта. Как попадание зонда в кратер невидимой женщины-астронома. Как уравнение, которое наконец сошлось.

Без погрешности.

Или — с той погрешностью в третьем знаке, которая и делает мир живым.

— Завтра я принесу новые спектры, — сказал он, убирая руку. Деловито. Будто ничего не произошло. — Ты поможешь мне проверить коэффициенты?

— Да, — ответила она.

Просто. Коротко. Как ответ, который был написан задолго до вопроса.

Они спустились с крыши. По лестнице, где пахло сыростью и старым лаком. В темноте, где её собственная тень сливалась с его тенью, и невозможно было понять, где кончается один силуэт и начинается другой.

На первом этаже, у турникета, он кивнул ей на прощание. И улыбнулся. Той самой уголковой улыбкой, от которой у неё каждый раз замирало сердце.

— Спокойной ночи, Ли Цзин.

— Спокойной ночи, Чэнь Юй.

Она пошла в свою комнату. Открыла дверь ключом-картой. Села на кровать, не снимая пальто. Посмотрела на свою ладонь — ту, где ещё сохранилось тепло его пальцев.

И подумала: «Вот оно. То, что будет длиться дольше, чем поцелуй. Дольше, чем космический лифт. Дольше, чем столкновение галактик».

Потому что некоторые вещи не заканчиваются. Они просто переходят в другую форму. Как энергия в вакууме. Как любовь, у которой нет названия, но есть координаты.

Она легла, не раздеваясь. Закрыла глаза. И сквозь тонкую стену услышала, как её соседка шепчет по телефону: «...он просто взял меня за руку, и я поняла...»

Ли Цзин улыбнулась в темноту.

«Я поняла», — повторила она про себя.

За окном, сквозь занавески, пробивался свет далёкой звезды. Той самой, на которую указывала её бабушка. Которая, возможно, и правда была прадедом, строившим мосты. Потому что теперь, когда Ли Цзин знала, что такое верить в красивую неправду — она могла позволить себе выбрать эту версию.

Вселенная шире наших формул. И иногда, чтобы понять её, достаточно просто протянуть руку.

Альтаир и Вега всё так же висели над холмами. Их разделяли шестнадцать световых лет. Но каждую ночь миллиарды людей на Земле смотрели на них и знали: где-то там, за

Небесной рекой, есть тот, кто ждёт. И это знание было сильнее расстояний. Сильнее времени. Сильнее всех погрешностей, которые можно вычислить.

Потому что любовь — это тоже Вселенная. Со своими законами. Со своими кратерами и морями Ясности. Со своими тихими катастрофами.

И иногда она говорит на языке, который не нужно переводить.

Один взгляд.

Один жест.

Одна незавершённая фраза, которая длится вечность.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СИЛА ПРИТЯЖЕНИЯ

Глава 8. Линии, которые не пересекаются

Первый снег всегда приходит неожиданно. Даже когда синоптики обещали его три дня подряд, даже когда небо с утра было тяжёлым и белым, как старый потолок в лекционной аудитории — всё равно в момент, когда первая снежинка касается земли, мир замирает. На секунду.

Ли Цзин стояла у окна на третьем этаже и смотрела, как двор университета медленно теряет чёткость. Асфальт становился серым, потом белым. Студенты внизу поднимали головы к небу, улыбались, доставали телефоны. Кто-то крикнул: «Сне-е-е-г!» — и этот крик разбился о стены общежи-

тия, рассыпался на сотню маленьких радостей.

Она должна была радоваться. Она любила первый снег. В Сеуле, где она жила три года, снег пах яблоками — или ей просто так казалось, потому что под окном был рынок, где круглый год торговали яблоками Фуджи. В Токио снег был быстрым, таял, не долетая до земли, и это раздражало. В Шанхае — редким, почти драгоценным.

Здесь, в этом университете на окраине, где город встречался с холмами, снег обещал быть настоящим. Долгим. Беспощадным. Таким, от которого щиплет щёки и белые хлопья застревают в ресницах.

Она не радовалась.

Потому что уже шестнадцать дней Чэнь Юй исчезал из её жизни. Не резко, не с хлопком двери — а так, как тает лёд на реке весной: сначала незаметно, потом необратимо.

Он не грубил. Он вообще никак не реагировал. Просто перестал быть там, где она.

В понедельник она зашла в лабораторию — его место у окна было пустым. На столе — ничего. Ни стопки бумаг с его аккуратным почерком, ни кружки с остывшим чаем, ни старого телескопа, который он чинил во время перерывов.

— Чэнь Юй перевёлся на утренний поток, — сказал староста, не поднимая головы от ноутбука. — Сказал, ему удобнее заниматься по утрам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.